Прогулка среди могил

Автор:
Лоренс Блок

Прогулка среди могил

Лоренс Блок

Мэттью Скаддер #10

Роман, собравший ряд престижных премий и положенный в основу сценария нового голливудского блокбастера с Лайамом Нисоном в главной роли!

Кто-то открыл охоту на жен, дочерей и подруг крупных наркодилеров. Незнакомец, требуя выкуп, прекрасно понимает, что этим преступникам куда проще заплатить, чем связываться с полицией.

Когда обожаемую жену одного из наркоторговцев жестоко убили, ее муж, мечтая о мести, нанимает опытного и циничного частного детектива и бывшего копа Мэтта Скаддера, который настолько хорошо знает мир нью-йоркского криминального подполья, что способен поймать даже самую хищную рыбу в самой мутной воде…

Лоренс Блок

Прогулка среди могил

Посвящается Линн

Баю-баю, крошка, тише,

Баю-бай, усни, малыш:

Бонапарт тебя услышит —

От него не убежишь.

Кто ленив и непослушен, —

Тех кошмарный людоед

Жрет на завтрак, жрет на ужин,

Баю-бай – и на обед.

У него в багровой пасти

Больше вилки каждый зуб.

Разорвет тебя на части,

Баю-баю, хруп-хруп-хруп.

Схватит желтыми зубами

И утащит во лесок —

Не оставит бедной маме

И мизинчика кусок.

Спи, малютка мой писклявый,

Ну, чего ты так орешь! —

Бонапарт придет кровавый —

От него не удерешь![1 - Английская колыбельная. Перевод И. Дугиной.]

Lawrence Block

A Walk Among the Tombstones

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

© Lawrence Block, 2012

© Перевод. О.Г. Косова, 2014

© Tombstones Movie Holdings, LLC, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru), 2014

Глава 1

В последний четверг марта, где-то между десятью тридцатью и одиннадцатью часами утра Франсин Кури сообщила мужу, что отправляется по магазинам.

– Возьми мою машину, – предложил ей супруг. – Я никуда не собираюсь.

– Нет, она слишком большая. Каждый раз, когда на ней еду, мне кажется, что веду крейсер.

– Ну как хочешь.

Обе машины – его «бьюик-парк-авеню» и ее «тойота-камри» – стояли в гараже за домом. Сам дом, выстроенный в псевдотюдоровском стиле и облицованный деревом, находился на Колониал-роуд между Семьдесят восьмой и Семьдесят девятой улицами в квартале Бэй-Ридж Бруклина. Франсин завела «тойоту», выехала из гаража и, закрыв его, вырулила на улицу. На первом же перекрестке, остановившись на красный сигнал светофора, она вставила в магнитолу кассету с классической музыкой. Бетховен, один из поздних квартетов. Дома она в основном слушала джаз, поскольку Кенан предпочитал именно его, но за рулем

всегда включала классическую камерную музыку.

Франсин была привлекательной женщиной: рост сто семьдесят сантиметров, вес около пятидесяти двух килограммов, полногрудая, с тонкой талией и округлыми бедрами. Темные волосы, блестящие и вьющиеся, зачесаны назад, открывая лоб. Глаза карие, нос чуть вздернут. Полные, хорошо очерченные губы.

На фотографиях именно рот больше всего привлекал внимание. Насколько я понял, у нее были широкие верхние резцы и неправильный прикус и именно из-за этих незначительных дефектов она не очень широко улыбалась. На свадебной фотографии Франсин сияет и светится от счастья, но улыбается, сомкнув губы.

Смуглокожая, она быстро и ровно загорала. У нее уже был летний загар, поскольку последнюю неделю февраля они с Кенаном провели в Негриле на Ямайке. Франсин загорела бы еще сильнее, но Кенан заставил ее прятаться под тентом, чтобы ограничить пребывание на солнце.

– Тебе это совсем не нужно, – сказал он. – Слишком темная кожа – некрасиво. Именно солнце превращает сливу в чернослив.

Она немедленно поинтересовалась, что такого особенно хорошего в сливах.

– Они гладкие и сочные, – охотно пояснил он.

Франсин проехала полквартала от дома и подъезжала к перекрестку Семьдесят восьмой и Колониал, когда водитель синего фургона завел мотор. Дав ей проехать еще полквартала, он выехал с парковки и двинулся за ней следом.

Она свернула направо на Бэй-Ридж-авеню, затем налево на Четвертой авеню и двинулась в северном направлении. Возле «Д’Агостино», на углу Шестьдесят седьмой улицы, она затормозила и поставила «тойоту» на свободном местечке чуть дальше магазина.

Синий фургон проехал мимо, объехал вокруг и встал возле пожарного гидранта прямо напротив супермаркета.

Когда Франсин Кури покинула свой дом, я все еще завтракал.

Прошлой ночью я довольно поздно лег. Мы с Элейн поужинали в одном из индийских ресторанчиков на Восточной Шестой улице, затем посмотрели возобновленную постановку «Мамаши Кураж» в театре «Паблик» на Лафайетт. Места оказались не очень хорошими, и некоторых актеров было практически не слышно. Мы бы ушли в антракте, но один из исполнителей был любовником соседки Элейн, и мы хотели после постановки пройти за кулисы и похвалить его за великолепную игру. Затем мы пошли вместе с ним выпить пару рюмок в соседний бар, оказавшийся набитым битком по какой-то совершенно непонятной причине.

– Просто класс! – сообщил я Элейн, когда мы наконец выбрались из этого заведения. – В течение трех часов я не слышал его из зала и еще час не слышал, сидя через стол. Да у него вообще голос-то есть?

– Пьеса шла вовсе не три часа. Ну может, два с половиной.

– А такое впечатление, что три.

– Такое впечатление, что пять, – буркнула она. – Поехали домой.

Мы двинулись к ней. Элейн приготовила кофе мне и чай себе, и мы еще полчасика посмотрели Си-эн-эн, обсуждая новости. Потом отправились в постель, а через час или около того я встал, оделся в темноте и уже почти вышел из спальни, когда она поинтересовалась, куда я направляюсь.

– Прости, не хотел тебя будить.

– Ерунда. Ты что, заснуть не можешь?

– Вроде того. Мне что-то неймется. Не пойму почему.

– Тогда почитай в гостиной. Или включи телик, мне он не помешает.

– Нет, – отказался я. – Что-то я слишком взвинчен. Небольшая прогулка по городу пойдет мне на пользу.

Элейн живет на Пятьдесят пятой, между Первой и Второй, а мой отель «Норсвестерн» расположен на Пятьдесят седьмой, между Восьмой и Девятой. На улице оказалось довольно зябко, и я подумал было взять такси, но, пройдя примерно квартал, перестал ощущать холод.

Остановившись на красный свет, я ухитрился разглядеть между двумя башнями луну. Было почти полнолуние, чему я нисколько не удивился, ведь все признаки налицо: некое ощущение беспокойства, чувство дискомфорта. Мне хотелось что-то предпринять, только вот непонятно что именно.

Если бы Мик Баллу находился в городе, я мог бы направится к нему в паб. Но Мик уехал из страны, да и, судя по и без того взвинченному состоянию, паб не самое подходящее для меня место. Поэтому я отправился прямиком домой, немного почитал и где-то около четырех часов выключил лампу и уснул.

В десять утра я находился за углом, в «Пламени». Съел легкий завтрак и прочитал газету, главным образом криминальную хронику и о спорте. Именно в этих областях общества кризис, поэтому я не очень уделяю внимание прочим новостям. Национальные и международные проблемы, возможно, заинтересуют меня, только когда гром грянет. А так все это кажется мне настолько далеким, что мои мозги решительно не желают этого воспринимать.

Времени у меня было навалом, чтобы прочитать все, включая и различные объявления. На прошлой неделе я три дня работал на «Надежность», крупное детективное агентство, имеющее офис во «Флэтайрон-билдинге», но больше пока у них для меня ничего не было, а по собственным наводкам я работал в последний раз сто лет назад. С деньгами у меня все в порядке, поэтому работать не обязательно, а с времяпрепровождением отродясь проблем не возникало, но сейчас я с удовольствием занялся бы каким-нибудь делом.

Беспокойство, охватившее меня прошлой ночью, не исчезло с заходом луны. Оно сохранялось. Эдакая лихорадка в крови, некий подкожный зуд там, куда невозможно дотянуться, чтобы почесать.

* * *

Франсин Кури провела в «Д’Агостино» примерно полчаса, покупая продукты, за которые она заплатила наличными. Мальчик-носильщик сложил три пакета с покупками в тележку и покатил за ней следом из магазина вниз по улице к ее машине.

Синий фургон по-прежнему стоял возле гидранта. Задние двери фургона были открыты, и двое мужчин, вылезших из него, стояли рядом на тротуаре, будто рассматривая приборную панель, которую один из них держал в руках. Когда Франсин прошла мимо них в сопровождении мальчика, они проводили ее взглядом. К тому моменту, когда она открыла багажник «тойоты», мужчины уже находились внутри фургона и дверцы грузовичка были закрыты.

Мальчик сложил пакеты в багажник. Франсин дала ему два доллара, что вдвое превышало обычные чаевые, не говоря уже о том удивительно высоком проценте покупателей, которые не давали ему и вовсе ничего. Кенан приучил ее не скупиться на чаевые, не чрезмерные, но достаточно щедрые.

– Мы всегда можем позволить себе быть щедрыми, – поучал он ее.

Мальчик покатил тележку обратно в магазин. Франсин села за руль, завела мотор и двинулась дальше по Четвертой авеню.

Синий фургон ехал следом, держась на полквартала сзади.

Не знаю, каким именно маршрутом Франсин доехала от «Д’Агостино» до магазина импортных продуктов на Атлантик-авеню. Она могла ехать все время по Четвертой авеню, а могла и по скоростному шоссе «Гованус» в Южном Бруклине. Узнать этого невозможно, да это и не имеет значения. Так или иначе, она доехала до угла Атлантик-авеню и Клинтон-стрит. Там, на юго-западном углу, есть сирийский ресторан под названием «Алеппо», а рядом с ним – продовольственный магазин, именуемый «Арабский гурман». (Франсин никогда его так не называла. Как и большинство постоянных покупателей, она говорила «У Аюба». Так звали бывшего владельца, который продал заведение и переехал в Сан-Диего десять лет назад.)

Франсин поставила машину на парковке с северной стороны Атлантик, почти что напротив «Арабского гурмана», дошла до перехода, дождалась зеленого света и перешла улицу. Когда она входила в двери магазина, синий фургон встал в

загрузочной зоне напротив ресторана «Алеппо», рядом со входом в «Арабский гурман».

В магазине она пробыла недолго, покупая кое-какую мелочь, поэтому обошлась без тележки и помощи мальчика-носильщика. Она вышла из магазина приблизительно в 12.20. На ней было короткое пальто из верблюжьей шерсти, темно-серые слаксы и два свитера – бежевый кардиган и шоколадного цвета свитер с высоким круглым воротником. На плече висела сумочка, в одной руке был пакет с покупками, в другой – ключи от машины.

Задние дверцы синего фургона были открыты, и двое мужчин, ранее вылезших оттуда, снова стояли на тротуаре. Когда Франсин вышла из магазина, они двинулись вперед и встали от нее по обе стороны. И в этот же момент третий мужчина, водитель фургона, завел двигатель.

– Миссис Кури? – окликнул ее один из мужчин.

Она обернулась, он быстро открыл и закрыл какое-то удостоверение, так, что она не успела рассмотреть жетон.

– Вам придется пройти с нами, – сказал второй мужчина.

– Кто вы? – спросила она. – В чем дело? Что вам нужно?

Тогда они взяли ее под руки и, прежде чем она успела что-либо сообразить, протащили вперед, затолкали в открытый фургон и, мгновенно запрыгнув внутрь следом за ней, закрыли дверцы, рванув с места.

Несмотря на то что был разгар дня и похищение произошло на загруженной торговой улице, едва ли кто сумел понять, что произошло. А немногие свидетели вряд ли поняли, что именно они видят. Все произошло очень быстро.

Если бы Франсин отшатнулась и закричала, как только они к ней подошли…

Но она этого не сделала. Прежде чем женщина успела среагировать, ее уже затолкали в фургон и дверцы закрылись. Там она, должно быть, и кричала, и пыталась сопротивляться, но было уже поздно.

Я точно знаю, где находился в тот момент, когда ее похитили. Я пошел на полуденную встречу группы «Файрсайд», которая происходила ежедневно с 12.30 до 13.30 в заведении под названием «Y» на Западной Шестьдесят третьей улице. Я пришел туда рано, поэтому почти наверняка распивал кофе, когда эта парочка тащила Франсин по тротуару и запихивала в фургон.

Подробностей встречи я не помню. Уже на протяжении нескольких лет я на удивление регулярно посещаю сборища «Общества анонимных алкоголиков». Конечно, не так часто, как тогда, когда впервые решил бросить пить, но по-прежнему появляюсь там в среднем раз пять в неделю. Эта встреча проходила по обычной схеме, когда один или одна из присутствовавших рассказывает о себе в течение минут пятнадцати – двадцати, а затем еще час идет общая дискуссия. Я, кажется, в дискуссии участия не принимал. Наверняка во время ее проведения рассказывали интересные и довольно смешные истории. Так всегда бывает. Но подробностей не помню.

После встречи я где-то пообедал, а потом позвонил Элейн. У нее сработал автоответчик. Значит, ее либо нет дома, либо она не одна. Элейн – девушка по вызову и этим зарабатывает себе на жизнь.

Я повстречал Элейн в прошлой жизни, когда был еще сильно пьющим полицейским с новеньким жетоном в кармане, обремененным женой с двумя детьми, и жил на Лонг-Айленде. Пару лет мы с ней поддерживали дружеские отношения, выгодные для обеих сторон. Я был ее другом и помогал ей выпутываться из разных историй. Однажды она даже вызвала меня, чтобы оттащить клиента, умершего в ее постели, на пустынную аллею соседнего округа. А она оказалась прекрасной любовницей, красивой, блестящей, забавной, высокопрофессиональной, и при этом столь милой и нетребовательной, какой может быть только шлюха. Ну, что еще нужно для счастья?

Когда я оставил дом, работу и семью, мы с Элейн практически потеряли друг друга из виду, пока из нашего с ней совместного прошлого не возникло нечто, угрожавшее нам обоим. Тогда обстоятельства вновь свели нас, и, что удивительно, мы так и остались вместе.

У нее была своя квартира, а я жил в гостинице. Два, три или четыре вечера в неделю мы встречались, и эти встречи, как правило, заканчивались у нее дома, где я и оставался до утра за редким исключением. Иногда мы с ней уезжали на выходные или на недельку из города, а в те дни, когда не виделись, разговаривали по телефону. И периодически даже не по одному разу.

Хоть мы и не договаривались, что не будем встречаться с кем-то другим, но именно так и получилось. Я не встречался с другими женщинами, а она – с другими мужчинами, кроме клиентов, естественно. Периодически Элейн отправлялась в гостиничный номер или принимала клиента дома. На заре наших отношений меня это совершенно не волновало. На самом деле, если уж быть откровенным, в частности, в этом и заключалась ее притягательность, и я не видел оснований, почему должен пересматривать свои взгляды сейчас.

Если бы меня не устраивал род ее деятельности, я всегда мог попросить ее завязать. За годы своей карьеры она заработала неплохие деньги, большую часть которых сумела сохранить и даже приумножить, выгодно вложив в недвижимость. Так что Элейн вполне могла покончить со своим занятием, и это никак не отразилось бы на качестве ее жизни.

Но что-то удерживало меня от такой просьбы. Думаю, мне не хотелось признаваться себе самому, да и ей тоже, что мне отнюдь не все равно. И еще больше я не хотел предпринимать что-то такое, что могло бы испортить взаимоотношения, сложившиеся между нами. Я не хотел ни разрывать их, ни укреплять.

Однако все в жизни меняется. Иначе и быть не может. Любые взаимоотношения портятся именно от того, что они неизменны.

Мы с Элейн избегали слов любви, хотя то чувство, которое испытывал к ней я, а она – ко мне, было именно любовью. Мы также избегали говорить о возможности женитьбы или совместном проживании, хотя я неоднократно думал об этом и уверен, что и она тоже. Брак, пожалуй, единственное, чего мы никогда не обсуждали, за исключением разговоров о любви и роде деятельности Элейн.

Конечно, рано или поздно нам придется подумать над этими проблемами и обсудить их. И даже решить каким-то образом. Однако пока мы не заглядывали вперед, а жили одним днем, как я привык жить с тех пор, как перестал пытаться

выпить виски быстрее, чем его нальют в стакан. Кто-то умный сказал, что можно прожить жизнь, живя одним днем. В конце концов именно так и устроен мир.

* * *

В этот же четверг в доме Кури на Колониал-роуд ровно без четверти четыре пополудни зазвонил телефон. Кенан Кури поднял трубку.

– Эй, Кури! Она ведь так и не пришла домой, а? – произнес мужской голос.

– Кто говорит?

– Не твое свинячье дело! Твоя жена у нас, гребаный араб! Ты хочешь ее обратно или как?

– Где она? Дайте мне с ней поговорить!

– Да пошел ты, Кури! – Мужчина бросил трубку.

Некоторое время Кури еще кричал «алло! алло!» в молчащий аппарат, судорожно пытаясь сообразить, что же делать дальше. Он выскочил из дома и заглянул в гараж. Его «бьюик» стоял на месте, а «тойоты» жены не было. Он побежал на улицу и посмотрел по сторонам, затем вернулся домой и взял телефон. Слушая длинный гудок, он размышлял, кому бы позвонить.

– Боже мой! – произнес он, положил трубку и закричал: – Франси!

Он взлетел наверх и ворвался в спальню, зовя жену. Ее там, конечно же, не оказалось, но он ничего не мог с собой поделать и методично обыскивал каждую комнату. Дом был немаленьким, и он бегал из одной комнаты в другую, при этом выкрикивал имя жены, одновременно был и участником и зрителем устроенного им панического спектакля. Наконец Кенан вернулся в гостиную и обнаружил, что телефонная трубка лежит на столе рядом с аппаратом. Гениально. Если они пытались за это время с ним связаться, то дозвониться не могли. Он положил трубку на место, отчаянно желая, чтобы телефон зазвонил. На счастье, звонок раздался почти сразу.

На этот раз он услышал другой голос, более спокойный и интеллигентный.

– Мистер Кури, я пытался дозвониться до вас, но было все время занято. С кем вы разговаривали?

– Ни с кем. Я просто не повесил трубку.

– Надеюсь, вы не звонили в полицию.

– Никому я не звонил. Просто ошибся. Думал, что повесил трубку, но вместо этого положил ее рядом с аппаратом. Где моя жена? Дайте мне с ней поговорить!

– Вам не следовало оставлять так трубку. И не следовало никому звонить…

– Я и не звонил.

– …и уж конечно, не обращаться в полицию.

– Что вы хотите?

– Я хочу помочь вам найти жену. Если вы, конечно, этого хотите. Вы хотите, чтобы она вернулась?

– Боже, что вы…

– Отвечайте на вопрос, мистер Кури.

– Да, я хочу, чтобы она вернулась. Конечно, хочу.

– А я хочу помочь вам в этом. Не занимайте телефон, мистер Кури. Я перезвоню.

– Алло? Алло?

Но телефон молчал.

Минут десять Кенан мерил шагами комнату, ожидая звонка. Затем на него снизошло ледяное спокойствие. Он перестал ходить и сел на стул возле телефона. Когда раздался звонок, он снял трубку, но не произнес ни слова.

– Кури? – говорил опять первый, грубиян.

– Что ты хочешь?

– Чего я хочу? А как ты, черт возьми, думаешь, чего я хочу?

Кури промолчал.

– Денег, – произнес мужчина. – Мы хотим денег.

– Сколько?

– Ты, долбаный песчаный негритос, ты когда-нибудь кончишь вопросы задавать? Сам скажи!

Кури молчал.

– Миллион долларов. Как тебе такое, ты, задница?

– Это смехотворно, – ответил Кенан. – Слушай, с тобой невозможно разговаривать. Пусть позвонит твой приятель, попробую поговорить с ним.

– Эй ты, хрен моржовый, ты что, пытаешься…

На этот раз Кури бросил трубку.

Ему показалось, что все под контролем.

Можно свихнуться, пытаясь взять под контроль ситуацию вроде этой. Потому что это практически невозможно. Все козыри на руках у противника.

Но если отбросить стремление контролировать ситуацию, то можно по крайней мере перестать плясать под их дудку, как дрессированный медведь в болгарском цирке.

Кенан пошел на кухню и сварил себе в турке густой сладкий кофе. Пока кофе остывал, он достал из холодильника бутылку водки, плеснул с стакан пару унций, залпом выпил и почувствовал полное, совершенно ледяное спокойствие. Он прихватил кофе с собой в гостиную и как раз допивал его, когда вновь зазвонил телефон.

Это был другой мужчина, воспитанный.

– Вы огорчили моего друга, мистер Кури. А когда он расстроен, с ним трудно иметь дело.

– Думаю, будет лучше, если впредь звонить станете вы.

– Не вижу…

– Потому что тогда мы сможем разрешить наше дело, не превращая его в драму. Ваш приятель что-то говорил о миллионе долларов. Это абсурд.

– А вы считаете, она столько не стоит?

– Она стоит чего угодно, но…

– Сколько она весит, мистер Кури? Килограммов сорок пять – пятьдесят примерно?

– Я…

– Скажем, пятьдесят.

Блестящий разговор.

– По двадцать за каждый килограмм… Вы не умножите за меня, мистер Кури? Получается миллион, верно?

– К чему это все?

– А к тому, что если бы она была весовым товаром, например порошком, вы бы заплатили за нее миллион, мистер Кури. Разве она не стоит столько же, будучи из плоти и крови?

– Я не могу дать того, чего у меня нет.

– У вас есть достаточно.

– Миллиона нет.

– А сколько есть?

У Кенана было время, чтобы обдумать ответ.

– Четыреста.

– Четыреста тысяч.

– Да.

– Да это же меньше половины!

– Это четыреста тысяч. Меньше одной суммы, но больше другой. Во всяком случае, это все, что у меня есть.

– Вы можете найти недостающие деньги.

– Не представляю каким образом. Вероятно, я могу пообещать это, одолжить у кого-нибудь и таким образом набрать еще немного, но в любом случае не миллион. И на это потребуется несколько дней, скорее порядка недели.

– А вы считаете, что мы торопимся?

– Я тороплюсь. Хочу вернуть свою жену и никогда больше о вас не слышать. И очень спешу разрешить обе проблемы.

– Пятьсот тысяч.

Ага! Значит, есть все-таки кое-какие вещи, которые он может контролировать.

– Нет, – твердо ответил Кенан. – Я не торгуюсь. Не торгуюсь, когда речь идет о жизни моей жены. Я только что назвал предельную сумму. Четыреста.

Пауза на том конце провода, затем короткий вздох.

– Что ж, ладно. Глупо было с моей стороны полагать, что смогу вытянуть больше из человека вроде вас, поднаторевшего в сделках. Ваш народ занимается торгом на протяжении столетий, верно? Вы мало уступаете в этом евреям.

Кенан не знал, что ответить, и промолчал.

– Значит, четыреста, – повторил мужчина. – И сколько вам нужно времени, чтобы все подготовить?

«Минут пятнадцать», – подумал Кенан.

– Пару часов.

– Мы можем провернуть все сегодня ночью.

– Хорошо.

– Готовьте деньги. И никому не звоните.

– Мне некому звонить.

Полчаса спустя Кенан сидел за кухонным столом и смотрел на четыреста тысяч долларов, сложенных перед ним. В подвале у него был сейф, старый добрый мослеровский сейф, весивший больше тонны, вделанный в стену, скрытый деревянной панелью и снабженный, помимо собственных запоров, специальной сигнализацией. Все купюры были сотенными, по пятьдесят в пачке. Восемьдесят пачек по пять тысяч в каждой. Он пересчитал их и сложил в пластмассовую корзину, в которую Франсин складывала грязное белье.

Господи, ей совсем не нужно было самой заниматься стиркой. Она могла нанять столько прислуги, сколько надо. Он ей постоянно об этом твердил. Но Франсин нравилось хлопотать по дому самой, у нее были старомодные взгляды. Ей нравилось самой готовить, стирать, убирать.

Кенан взял телефон, подержал трубку в руке и положил на место. Тот человек сказал никому не звонить. «Мне некому звонить», – ответил он.

Кто же мог это сделать? Выкрав жену, выставить ему кругленькую сумму. Кому же это могло прийти в голову?

Ну, вообще-то найдется масса желающих. Кто угодно может пойти на такое, если будет уверен, что ему это сойдет с рук.

Кенан вновь снял трубку. Линия не прослушивалась. Да и во всем доме, если уж на то пошло, не было «жучков». В свое время он приобрел пару игрушек, обе в своем роде произведения искусства, во всяком случае, должны быть таковыми, судя по сумме, которую он за них выложил. Одна из них как раз предназначалась для определения прослушки телефона. Малейшее изменение в напряжении, сопротивлении или еще чего в сети – и он тут же узнает об этом. Другая вещица выявляла скрытые микрофоны. За эти две игрушки он выложил порядка пяти или шести штук, и они того стоили, помогая его частным переговорам оставаться частными.

Да, однако сейчас можно только жалеть, что полиция не прослушивает его телефон последние пару часов. Копы отследили бы звонок, схватили бы похитителей, привезли Франсин обратно…

Нет, это последнее, что ему нужно. Полиция просто провалит все дело к чертовой матери. Деньги у него есть. Он заплатит и либо получит жену обратно,

либо нет. К вопросу о контроле… Он может контролировать ситуацию с деньгами, вплоть до выплаты, но то, что произойдет потом, ему неподвластно.

«Никому не звоните».

«Мне некому звонить».

Кенан снова взялся за телефон и набрал номер, который знал наизусть. Брат поднял трубку на третьем гудке.

– Пит, ты мне нужен. Прыгай в тачку, я заплачу, и немедленно лети сюда, слышишь?

Последовало непродолжительное молчание, затем брат ответил:

– Малыш, ты же знаешь, я все для тебя сделаю…

– Тогда прыгай в тачку, братишка!

– …но я не могу иметь ничего общего с твоим бизнесом. Просто не могу.

– Бизнес тут ни при чем.

– А что тогда?

– Франсин.

– Господи, что произошло? Ладно, не важно. Расскажешь при встрече. Ты ведь дома, верно?

– Угу, дома.

– Хватаю такси и скоро буду.

Пока Питер Кури искал таксиста, который согласился бы довезти его до дома брата в Бруклине, я смотрел, как группа репортеров И-эс-пи-эн обсуждают уровень зарплаты профессиональных игроков. Поэтому не сильно огорчился, когда раздался телефонный звонок. Звонил Мик Баллу из городка Кастельбар в графстве Майо. Слышимость была изумительной, как будто он звонит из задней комнаты заведения Грогана.

– Здорово здесь, – сообщил он. – Если ты считаешь нью-йоркских ирландцев психами, тебе стоит взглянуть на них на их родной земле. Каждая вторая витрина – паб, и никто не уходит до самого закрытия.

– Но они ведь рано закрываются, или как?

– Даже слишком, добрая половина. Но в гостинице они постояльцев в любое время обеспечивают выпивкой. Разве не это признак цивилизованного государства, как считаешь?

– Безусловно.

– И все курят и предлагают закурить окружающим. Когда я тут навестил отцовскую родню, они все офонарели, узнав, что я не курю. Похоже, американцы – единственные, у кого хватает рассудка бросить это дело.

– В этой стране тоже все еще можно найти пару-тройку курильщиков, Мик.

– Удачи им в таком случае со всеми запретами курить в самолетах, кинотеатрах и прочих общественных местах. – Он рассказал длинную историю о мужчине и женщине, с которыми познакомился прошлой ночью. Довольно забавную, и мы вместе посмеялись. Затем он спросил, как у меня дела, на что я ответил «нормально».

– Нормально, значит.

– Ну, немного нервный, может быть. Поздно ложусь. И полнолуние к тому же.

– Да. И здесь тоже.

– Какое совпадение.

– Вообще-то над Ирландией всегда полнолуние. Хорошо, что все время дождь идет и ее не видно. Мэтт, у меня идея. Прыгай в самолет и прилетай сюда.

– Что?

– Спорю, ты никогда не был в Ирландии.

– Я вообще никогда не выезжал из страны. Хотя, погоди-ка, вру. Был пару раз в Канаде и один раз в Мексике, но…

– Ты ни разу не был в Европе?

– Ни разу.

– Тогда, ради Бога, прыгай в самолет и прилетай. Возьми ее с собой, если хочешь. – Мик имел в виду Элейн. – Или приезжай один, не важно. Я тут потолковал с Розенштейном, и он сказал, что мне лучше пока не возвращаться. Он может все утрясти, но ему мешает долбаная федеральная фискальная служба, и он не хочет, чтобы я светился на американской земле, пока все окончательно не уляжется. Похоже, могу застрять в этой вонючей дыре еще на месяц или даже больше. Чего ты ржешь?

– А я-то думал, тебе там нравится, а ты говоришь, «вонючая дыра».

– Любое место – вонючая дыра, если с тобой нет твоих друзей. Слушай, мужик, приезжай. Что тебе мешает?

Питер Кури приехал к брату сразу после того, как Кенан очередной раз переговорил с похитителем. На сей раз тот оказался не таким вежливым, особенно в конце беседы, когда Кенан попытался получить доказательства того, что Франсин жива и с ней все в порядке. Разговор происходил примерно так:

КУРИ. Я хочу поговорить со своей женой.

ПОХИТИТЕЛЬ. Невозможно. Она в надежном месте. Я говорю из автомата.

КУРИ. Почему тогда я должен верить в то, что с ней все в порядке?

ПОХИТИТЕЛЬ. Потому что у нас есть причина, по которой нам стоит о ней заботиться. Подумайте, сколько она может принести нам выгоды.

КУРИ. Господи, да откуда мне знать, что она вообще у вас?

ПОХИТИТЕЛЬ. Вы хорошо помните ее груди?

КУРИ. А?

ПОХИТИТЕЛЬ. Вы сможете узнать одну из них? Это будет самым простым доказательством. Я отрежу ей одну сиську и положу вам на порог. Это вас успокоит.

КУРИ. Боже, не вздумайте. Не смейте это произносить.

ПОХИТИТЕЛЬ. Тогда давайте не будем говорить о доказательствах. Нам нужно доверять друг другу, мистер Кури. Доверие – главное в нашем бизнесе, уж поверьте.

Кенан пересказал все Питеру. Он вынужден верить им, но как он может? Он даже не знает кто они.

– Я пытался сообразить, кому бы позвонить. Ну, знаешь, деловым партнерам. Кому-то, кто может поддержать, помочь. И о ком бы ни подумал, любой из них может стоять за всем этим. Ни на кого нельзя положиться. Все это кем-то спланировано.

– Как они…

– Не знаю. Ничего не знаю. Знаю лишь, что она поехала по магазинам и не вернулась. Вышла из дома, села в машину, а пять часов спустя зазвонил телефон.

– Пять часов?

– Ну или около того. Пит, я совершенно не понимаю, что мне делать. Никогда в жизни не попадал в подобное дерьмо.

– Ты же все время заключаешь сделки, малыш.

– Сделки по наркотикам – совсем другое дело. Их можно провернуть безопасно, под прикрытием. А здесь…

– В наркобизнесе людей постоянно убивают.

– Верно, но, как правило, не без причины. Причина первая – сделка с незнакомыми людьми. Вторая – или первая с половиной, если угодно, – сделка с людьми, которых ты вроде бы знаешь, а на самом деле – нет. И еще одна, какая хочешь по порядку – люди наживают неприятности, пытаясь мухлевать. Провернуть сделку, не имея денег, надеясь выкрутиться. Этот номер иногда проходит, но даже если такое случается, в девяти случаях из десяти ты совершенно точно знаешь, что эти люди сделали это, будучи уже зависимыми от наркотиков.

– Или все всё делают, как надо, а потом приходит шестерка ямайцев, вышибает двери и расстреливает всех к чертовой матери.

– И такое бывает, – согласился Кенан. – И не обязательно ямайцы. Я тут недавно прочитал о лаосцах в Сан-Франциско. Каждую неделю появляется какая-нибудь новая этническая группировка, жаждущая тебя прикончить. – Он покачал головой. – Все дело в том, что в нормально обставленной сделке всегда можно вовремя выйти из игры, если что-то вызывает сомнения. Тебе не обязательно заключать сделку. Если есть деньги, можешь потратить их на что-нибудь другое. Если есть порошок, можешь продать его кому-то еще. Ты занимаешься этим, пока все идет нормально, и прикрываешь свои тылы, обеспечиваешь безопасность и отлично знаешь, с кем имеешь дело, можно ли доверять этим людям и насколько.

– Тогда как сейчас…

– Тогда как сейчас у нас нет ничего. Разве что палец в жопе. Я сказал: мы принесем деньги, а вы мою жену. Они ответили отказом. Они сказали, что все идет не так. И что я должен был сказать? Оставьте мою жену себе? Продайте ее кому-нибудь другому, если вас не устраивает, как я веду дела? Я не могу этого сделать.

– Не можешь.

– Я сделал все возможное. Этот хмырь затребовал миллион, а я сказал – четыреста тысяч – это все, что у меня есть, чтоб тебя, и он клюнул. Предположим, я бы…

Зазвонил телефон. Кенан быстро переговорил, делая пометки в блокноте.

– Я приду не один, – в какой-то момент произнес он. – Со мной будет мой брат. И это не подлежит обсуждению. – Он послушал еще немного и собрался было что-то сказать, но на том конце повесили трубку.

– Надо пошевеливаться. Они хотят получить деньги в двух пакетах. Это несложно, но почему в двух? Может, они не знают, сколько места занимают четыреста тысяч?

– Или доктор велел им не поднимать тяжести.

– Возможно. Нам нужно быть на углу Оушен-авеню и Фаррагут-роуд.

– Это где-то во Флэтбуше, верно?

– По-моему, там.

– Точно. Фаррагут-роуд в паре кварталов от Бруклинского колледжа. А там что?

– Телефонная будка.

Разложив деньги в два мешка для мусора, Кенан протянул Питеру пистолет.

– Возьми. Мы ведь не хотим появиться там безоружными.

– Мы вообще не хотим там появляться. Да и какой мне прок от пушки?

– Понятия не имею. Но все равно возьми.

Выйдя из дома, Питер схватил брата за руку.

– Ты забыл включить сигнализацию.

– Ну и что? Франсин у них, а деньги мы уносим. Что тут еще красть?

– Раз есть сигнализация, ее следует включить. Во всяком случае, от нее проку никак не меньше, чем от этих чертовых пушек.

– Ты прав. – Кенан нырнул в дом. Выйдя оттуда, он произнес: – Лучшая охранная система. Нельзя войти в дом, нельзя прослушать телефон, нельзя насажать «жучков». Зато можно – это украсть мою жену и заставить меня бегать по городу с помойными мешками, набитыми стольниками.

– Как нам лучше ехать, малыш? Пожалуй, по Бэй-Ридж-Паркуэй, затем по Кингз до Оушен.

– Да, наверное. Маршрутов туда десяток, и этот не хуже других. Ты сядешь за руль, Пит?

– А ты хочешь, чтобы я вел?

– Почему нет? В том состоянии, в котором сейчас нахожусь, я скорее всего въеду в задницу первой же полицейской машине или задавлю монашку.

Братьям нужно было быть у телефона-автомата на Фаррагут-роуд в восемь тридцать. Они приехали на три минуты раньше, согласно часам Питера. Кенан

отправился в телефонную будку и стоял там, ожидая звонка. Питер, оставшись сидеть в машине, достал пистолет из-за ремня и положил на колени – тот порядком натер ему спину.

Телефон зазвонил, и Кенан снял трубку. Ровно в восемь тридцать, по часам Питера. Интересно, они в определенное время звонили или наблюдали за всей операцией, сидя у окна одного из домов напротив?

Кенан подбежал к машине и облокотился на нее.

– Улица Ветеранов.

– Никогда о такой не слышал.

– Это где-то между Флэтлендз и Милль-Бэйзин, в тех краях. Он объяснил как ехать. По Фаррагут до Флэтбуш, по Флэтбуш до Эн-стрит, а она уже ведет на улицу Ветеранов.

– А там что?

– Очередной автомат на углу Ветеранов и Восточной Шестьдесят шестой улицы.

– К чему вся эта суета, как ты думаешь?

– Чтобы мы взбесились. Убедиться, что за нами нет хвоста. Да не знаю я, Пит. Может, они просто решили подергать нас за яйца.

– И им это почти удается.

Кенан обошел машину вокруг и сел на место пассажира.

– По Фаррагут до Флэтбуш, – сказал Питер. – Затем по Флэтбуш до Эн-стрит. Должно быть, правый поворот на Флэтбуш и левый на Эн-стрит?

– Верно. Правый на Флэтбуш и левый на Эн-стрит.

– Сколько времени нам нужно, чтобы туда добраться?

– Они не сказали. По-моему, время указано не было. Просто сказали поторопиться.

– Думаю, мы не станем останавливаться выпить кофейку.

– Нет, – мрачно сказал Кенан. – Не станем.

На углу Ветеранов и Шестьдесят шестой все продолжилось по прежней схеме. Питер ждал в машине, Кенан пошел к будке, и почти сразу зазвонил телефон.

– Прекрасно, – сказал похититель. – Быстро добрались.

– Что дальше?

– Где деньги?

– На заднем сиденье. В двух мешках для мусора, как вы сказали.

– Хорошо. А теперь я хочу, чтобы вы с братом прогулялись по Шестьдесят шестой до Эм-стрит.

– Вы хотите, чтобы мы пошли пешком?

– Да.

– С деньгами?

– Нет, деньги оставьте на месте.

– На заднем сиденье?

– Да. И не закрывайте машину.

– Мы оставляем деньги в незапертой машине и проходим квартал…

– Два квартала вообще-то.

– А потом?

– Подождите на углу Эм-стрит пять минут, затем возвращайтесь и поезжайте домой.

– А моя жена?

– С вашей женой все в порядке.

– Как я…

– Она будет ждать вас в машине.

– Да уж, пусть лучше ждет.

– Что?

– Ничего. Слушайте, меня вот что беспокоит: оставлять деньги в незапертой машине опасно. Вдруг кто-нибудь утащит их раньше вас.

– Не волнуйтесь, – произнес мужчина. – Это спокойный район.

Братья оставили машину незапертой с деньгами на заднем сиденье и прошли один короткий квартал и один длинный до Эм-стрит. Выждали там ровно пять минут и понеслись обратно к «бьюику».

По-моему, я их еще не описал, верно? Они были похожи, эти братья, Кенан и Питер. Кенан – сто семьдесят пять сантиметров ростом, на пару сантиметров выше брата. Сложены они были как боксеры среднего веса, хотя Питер начал немного раздаваться в талии. Оба смуглокожие, с прямыми темными волосами, разделенными пробором на левую сторону. У тридцатитрехлетнего Кенана

начал чуть лысеть лоб, Питер же, будучи на два года старше, сохранил всю свою шевелюру.

Братья были красивыми мужчинами, с длинными тонкими прямыми носами и большими глубоко посаженными карими глазами и густыми бровями. Питер носил аккуратные усики, Кенан – нет.

Если, предположим, вам предстояло бы схватиться с ними обоими одновременно, то, исходя из внешних данных, вы начали бы с Кенана. Или попытались, во всяком случае. Было в нем нечто такое, что делало его из них двоих более опасным, выдававшее, что он способен на неожиданную и очень быструю реакцию.

Так они и выглядели тогда, когда быстро, но не бегом двигались к месту стоянки машины Кенана. Автомобиль стоял на месте, по-прежнему незапертый. Мешков с деньгами на заднем сиденье не было. Не было и Франсин Кури.

– Черт побери! – рявкнул Кенан.

– Глянь в багажнике, – посоветовал Питер.

Кенан отрыл бардачок и нажал рычаг открывания багажника. Там ничего не оказалось, кроме запаски и домкрата. Он едва успел захлопнуть багажник, как зазвонил телефон в автомате.

Кенан подбежал и схватил трубку.

– Поезжайте домой, – сказал похититель. – Она, вероятно, окажется там раньше вас.

* * *

Я отправился на обычную встречу недалеко от моей гостиницы в собор Святого Павла, но в перерыве ушел к себе, позвонил Элейн и пересказал ей разговор с Миком.

– Думаю, тебе следует поехать, – сказала она. – По-моему, это прекрасная мысль.

– Думал, мы вместе поедем.

– Ой, я не знаю, Мэтт. Тогда я пропущу занятия.

Она каждый четверг ходила вечером на занятия в «Хантер» и как раз вернулась оттуда, когда я позвонил.

…Индийское искусство и архитектура периода Великих Моголов.

– Мы уедем всего лишь дней на семь – десять. Ты пропустишь лишь одно занятие.

– Одно занятие – это не страшно.

– Вот именно. Так что…

– Так что, если уж начистоту, мне не очень хочется ехать. Я ведь там нужна как собаке пятая нога, верно? Отсюда вижу, как вы с Миком носитесь по Ирландии и ставите все вокруг на уши.

– Ну, примерно так…

– Но я имею в виду, что это будет в своем роде мальчишник, а кто же берет на мальчишник свою девушку? Нет, серьезно, я не очень хочу ехать, а ты в последнее время очень нервный, и поездка пойдет тебе только на пользу. Ты ведь в Европе ни разу не был?

– Никогда.

– А сколько Мик уже там? Месяц?

– Около того.

– Думаю, тебе надо ехать.

– Может, ты и права. Подумаю.

Франсин не было.

Нигде в доме. Кенан обошел все комнаты, зная, что это совершенно бесполезно, потому что она не могла войти в дом, не отключив сигнализацию. Обежав комнаты, Кенан вернулся на кухню, где Питер варил кофе.

– Пити, похоже, дрянь дело.

– Знаю, малыш.

– Кофе варишь? Нет, я, пожалуй, выпью что-нибудь покрепче. Не возражаешь?

– С чего бы? Не я же собираюсь пить.

– Я просто подумал… Ладно, не важно. Пожалуй, не очень-то и хочу.

– В этом-то и разница между нами.

– Да, пожалуй. – Кенан огляделся. – Какого черта они так меня мурыжат, Пит? Сказали, что она будет в машине, но ее там не оказалось. Сказали, что она будет дома, но ее нет. Что за дьявольщина?

– Может, застряли в пробке.

– А нам что делать, старик? Просто сидеть и ждать? Но я даже представления не имею, чего мы ждем. Они получили бабки, а мы что получили? Ничего. Я не знаю ни кто они, ни где они. Я ни черта не знаю, и что нам теперь делать, Пит?

– Понятия не имею.

– Мне кажется, она мертва.

Питер промолчал.

– Что этим ублюдкам мешает ее убить? Она ведь может их опознать. Гораздо безопаснее ее убить, чем отпустить. Убить, закопать где-нибудь, и дело с концом. Я бы на их месте так и поступил.

– Нет, не поступил бы.

– Я сказал, будь я на их месте. Но я в первую очередь никогда не стал бы похищать женщину, невинную милую леди, которая в жизни никому не причинила и не желала зла…

– Успокойся, малыш.

Они некоторое время молчали, затем разговор возобновился, поскольку делать все равно было нечего. Примерно через полчаса зазвонил телефон. Кенан рванулся к трубке.

– Мистер Кури?

– Где она?

– Приношу свои извинения. План претерпел кое-какие изменения.

– Где она?

– Недалеко от вашего дома, на углу… э-э… Семьдесят девятой улицы. По-моему, на южной стороне, в трех-четырех домах от угла…

– Что?

– Там с нарушением правил припаркован автомобиль возле пожарного гидранта. Серый «форд-темпо». Ваша жена находится в нем.

– Она в машине?

– В багажнике.

– Вы засунули ее в багажник?!

– Там достаточно воздуха. Но на улице холодно, так что вам лучше поторопиться.

– А ключи где? Как я…

– Замок сломан, так что ключи вам не понадобятся.

Братья понеслись к указанному месту.

– Что он имел в виду, сказав, что замок сломан? Если багажник не заперт, почему она не может просто вылезти оттуда?

– О чем он толковал? – вопрошал на бегу Кенан.

– Не знаю, малыш.

– Может, она связана. Клейкой лентой, наручниками – чем-то, что не может снять.

– Возможно.

– О Господи, Пит…

Машина стояла там, где сказал похититель. Побитый старый «темпо», с потрескавшимся лобовым стеклом и сильно помятой передней дверцей. Замок на багажнике отсутствовал вовсе. Кенан откинул крышку.

Никого. Лишь какие-то пакеты, разнокалиберные свертки. Аккуратно упакованные в черный пластик, замотанный клейкой лентой.

– Нет! – воскликнул Кенан.

Он стоял, повторяя «Нет! Нет! Нет!..» Питер вынул один из свертков, достал из кармана перочинный нож и срезал ленту. Он развернул пластиковую упаковку, сильно смахивающую на мешок для мусора, и вынул оттуда человеческую ногу, отрубленную чуть выше щиколотки. На ногтях трех пальцев сохранился красный лак. Два пальца отсутствовали вовсе.

Кенан запрокинул голову и завыл как собака.

Глава 2

Это все произошло в четверг, а в понедельник я пришел с обеда и в регистратуре меня ждала записка. «Позвонить Питеру Карри», – гласила она, а ниже номер телефона с кодом 718, то есть либо Куинс, либо Бруклин. Я не был уверен, что знаком с Питером Карри из Куинса или Бруклина. Да и вообще откуда угодно, если уж на то пошло, но мне не привыкать получать звонки от незнакомых людей. Поднявшись к себе, я набрал указанный номер. Подошел мужчина.

– Мистер Карри?

– Да?

– Меня зовут Мэттью Скаддер. Я получил записку с просьбой позвонить вам.

– Записку с просьбой позвонить мне?

– Совершенно верно. Здесь написано, что вы звонили в 12.15.

– Повторите, как вас зовут?

Я еще раз назвался.

– А, погодите минутку! Вы, должно быть, детектив, верно? Вам звонил мой брат Питер.

– Здесь написано Питер Карри.

– Подождите.

Я подождал и через минуту услышал другой голос, похожий на предыдущий, но чуть ниже и мягче.

– Мэтт, это Пит.

– Пит, – повторил я. – А я тебя знаю, Пит?

– Ага, мы знакомы, но ты можешь не знать меня по имени. Я регулярно хожу в собор Святого Павла и как-то вел встречу, недель пять-шесть тому назад.

– Питер Карри.

– Фамилия Кури. Мои предки из Ливана. Дай-ка попробую себя описать. Я не пью уже примерно года полтора, живу в доме гостиничного типа на Пятьдесят пятой улице, работал посыльным, но моя специальность фотография, хотя не думаю, что смогу вернуться к своей профессии…

– Попахивает наркотиками твоя история.

– Совершенно верно, но практически доконал меня алкоголь. Сообразил, кто я такой?

– Угу. Я был там, когда ты выступал. Просто никогда не знал твоей фамилии.

– Ну, теперь знаешь.

– Что я могу для тебя сделать, Пит?

– Не мог бы ты приехать поговорить со мной и с братом? Ты ведь детектив, а это как раз то, что нам нужно.

– Ну, вообще-то я не уверен, что могут взяться сейчас за дело, Пит. Я собирался отправиться за океан в конце недели.

– Куда?

– В Ирландию.

– Здорово! Но послушай, Мэтт, может, ты все-таки приедешь, и мы тебе кое-что расскажем? И если ты решишь, что ничем не можешь помочь, мы не обидимся и оплатим тебе потраченное время и такси в оба конца. – Второй брат что-то произнес, но я не расслышал. – Я ему скажу. Мэтт, Кенан говорит, что мы можем за тобой заехать, но нам придется возвращаться сюда, и мне кажется, будет гораздо быстрее, если ты возьмешь такси.

Меня изумило, что о такси так легко говорит человек, работающий посыльным, и тут я вспомнил, откуда мне знакомо имя его брата.

– У тебя сколько братьев, Пит?

– Всего один.

– По-моему, ты о нем упоминал в своем выступлении, что-то о роде его деятельности.

На том конце провода повисла тишина, затем Пит проговорил:

– Мэтт, я всего лишь прошу приехать и выслушать нас.

– Где вы находитесь?

– Ты знаешь Бруклин?

– Для этого нужно быть мертвым.

– Не понял?

– Так, ерунда. Мысли вслух. Вспомнил знаменитый рассказ «Только мертвец знает Бруклин». Ну, некоторые части города я в свое время знал неплохо. В каком именно месте Бруклина?

– Бэй-Ридж. Колониал-роуд.

– А, туда просто добраться.

Он назвал адрес, я его записал.

Поезд «R», известный также как местный бродвейский, линии Би-эм-ти подземки идет от Сто семьдесят девятой улицы Ямайки, а его конечная станция находится в нескольких кварталах от моста Верранцано в юго-западной части Бруклина. Я сел на него на углу Пятьдесят седьмой и Седьмой и сошел за две остановки от конечной.

Существуют некоторые индивидуумы, которые полагают, что, покинув Манхэттен, вы пересекли черту города. Так они не правы. Вы попали всего лишь в другую часть города. Но разница, вне всякого сомнения, ощутима. Вы почувствуете ее с закрытыми глазами. Другой энергетический уровень. Даже воздух другой.

Я прошел квартал по Четвертой авеню, мимо китайского ресторана и корейского зеленщика, пары ирландских пабов, затем свернул на Колониал-роуд и нашел дом Кенана Кури. Это один из отдельных домов для одной семьи, солидное квадратное сооружение, построенное в период между войнами. Крошечная лужайка перед домом, несколько деревянных ступенек перед парадным входом. Я поднялся и позвонил.

Пит открыл дверь, провел меня на кухню и представил брату. Тот встал, пожал мне руку и кивком указал на стул. Сам он обратно не сел, а отошел к плите, оперся на нее и произнес:

– Спасибо, что пришли. Не возражаете, если я задам вам пару вопросов, мистер Скаддер? Прежде чем приступим к делу?

– Конечно, нет.

– Хотите что-нибудь выпить? Не спиртное, поскольку мне известно, что вы знакомы с Питом по «Обществу анонимных алкоголиков», но есть кофе, или я могу налить что-нибудь безалкогольное. Кофе приготовлен по-ливански, то есть примерно как по-турецки или по-армянски – крепкий и густой. Есть быстрорастворимый, если предпочитаете.

– Кофе по-ливански звучит заманчиво.

И на вкус он оказался тоже хорош. Я отпил немного, и Кенан задал следующий вопрос:

– Вы ведь детектив, верно?

– Без лицензии.

– И что это значит?

– Это значит, что я не имею официального статуса. Я периодически делаю поденную работу для крупных агентств и тогда действую под их лицензией, а в остальных случаях то, что я делаю, является частным и неофициальным делом.

– Вы раньше были полицейским?

– Верно. Несколько лет назад.

– Угу. В форме, в гражданском или как?

– Я был детективом.

– Носили золотой жетон, а?

– Именно. Работал в 6-м участке в Виллидже на протяжении нескольких лет, а до того недолго в Бруклине. В 78-м участке – это Парк-Слоуп и к северу от него. Обычно это место называют Борум-Хилл.

– Ага, знаю, где это. Я там вырос. Знаете Берген-стрит? Между Бонд и Невинз?

– Конечно.

– Мы там выросли, Пит и я. Там живет полно выходцев с Ближнего Востока. В кварталах Корта и Атлантика. Ливанцы, сирийцы, йеменцы, палестинцы. Моя жена была палестинкой, ее родители жили на Президент-стрит, сразу за Генри. Это Южный Бруклин, но, по-моему, они называют это Кэррол-Гарденс. Кофе нравится?

– Да, вполне.

– Если захотите еще, скажите.

Он собрался было добавить что-то еще, но вдруг повернулся к брату.

– Не знаю, старик. Не думаю, что из этого что-нибудь выйдет.

– Просто объясни ему ситуацию, малыш.

– Не знаю.

Кенан повернулся ко мне, подтащил стул и сел.

– Вот какая штука, Мэтт. Ничего, что я вас так называю? – Я кивнул. – Вот какая штука. Мне нужно точно знать, что я могу с вами разговаривать, не опасаясь, что об этом никто не узнает. Иначе говоря, насколько вы еще полицейский?

Хороший вопрос. Я частенько и сам об этом задумывался.

– Я прослужил в органах много лет. И не переставал им быть с тех пор, как оставил службу. Я продолжаю быть им настолько, насколько это позволяет тому остаться конфиденциальным. Юридически я не имею статуса адвоката. Но в то же время я не являюсь и представителем судебных органов, поэтому, как и любое частное лицо, вовсе не обязан сообщать кому бы то ни было о том, что мне известно.

– Ну и какой же из этого вывод?

– Не знаю. Все зависит от многих вещей. Я не могу давать вам каких-либо гарантий, поскольку не знаю, что вы собираетесь мне сказать. Я приехал сюда, потому что Пит не захотел ничего рассказывать по телефону, а теперь все указывает на то, что вы и здесь не хотите мне ничего говорить. Может, мне следует просто поехать домой.

– Может, и следует.

– Малыш…

– Нет. – Кенан поднялся на ноги. – Хорошая была идея позвать его сюда, старик, но она не сработала. Сами разберемся. – Он достал из кармана пачку денег, вытащил сотенную и протянул мне. – Это за такси, мистер Скаддер, и за потраченное время. Прошу прощения, что заставили вас притащиться сюда. – Поскольку я не пошевелился и не взял деньги, он добавил: – Может быть, ваше время стоит больше, чем я думал. Вот. И без обид, хорошо?

Он достал еще одну сотню, а я опять не стал брать.

Вместо этого отодвинул стул и поднялся.

– Вы мне ничего не должны. Понятия не имею, сколько стоит мое время. Давайте будем считать это приглашением на кофе.

– Возьмите деньги. Господи Боже мой, да сюда тачка вам обошлась не меньше четвертака.

– Я приехал на метро.

Он уставился на меня.

– На метро? Разве брат не сказал вам взять такси? Чего ради экономить, особенно раз я сказал, что оплачу проезд?

– Уберите деньги. Я поехал подземкой, потому что так проще и быстрее. Я добираюсь от одного места до другого, и я делаю это таким способом, каким считаю нужным, мистер Кури. Не указывайте мне, каким образом я должен передвигаться по городу, и я не стану указывать вам, как сбывать крэк школьникам. Ладненько?

– Боже! – задыхаясь, произнес он.

– Жаль, что мы отняли время друг у друга, – сказал я Питеру. – Спасибо, что вспомнил обо мне.

Он предложил отвезти меня домой или хотя бы подбросить до ближайшей станции подземки.

– Не стоит. Я, пожалуй, прогуляюсь по Бэй-Ридж. Давненько здесь не был. Как-то я вел дело, которое привело меня в одно местечко в нескольких кварталах отсюда, прямо на Колониал-роуд, но чуть севернее. Сразу за парком. Оулс-Хэд-Парк, если не ошибаюсь.

– Это кварталов восемь – десять отсюда, – произнес Кенан Кури.

– Да, похоже, что так. Парень, нанявший меня, обвинялся в убийстве собственной жены, и проделанная мною работа способствовала снятию обвинения.

– А он был невиновен?

– Нет, он ее убил. – Я припомнил обстоятельства дела. – Но тогда я этого не знал. Выяснил позже.

– Когда уже ничего не могли сделать.

– Конечно, мог. Его звали Томми Тиллари. Не помню, как звали жену, но его подружку звали Кэролин Четэм. Когда она умерла, он получил по полной программе.

– А ее он тоже убил?

– Нет, она покончила с собой. Но я обставил все так, чтобы это смахивало на убийство. Я вытащил его из дерьма, когда он того не заслуживал, поэтому стоило засадить за другое.

– И сколько же он получил?

– По максимуму. Умер в тюрьме. Кто-то пырнул его ножом. – Я вздохнул. – Вообще-то я собирался пройти мимо его дома, освежить воспоминания, но, похоже, вполне обошелся без этого.

– Вас это беспокоит?

– Воспоминания, вы имеете в виду? Не очень. Есть куча вещей, которые беспокоят меня гораздо больше. – Я поискал пальто, затем вспомнил, что не надевал его. На дворе весна – пора пиджаков и спортивных курток, хотя вечером температура падает до сорока[2 - По Фаренгейту. – Примеч. пер.].

Я направился к выходу, и тут Кенан Кури меня окликнул.

– Пожалуйста, погодите минутку, мистер Скаддер.

Я взглянул на него.

– Я немного погорячился. Прошу меня извинить.

– Вам не за что извиняться.

– Нет, есть. Я сорвался. Это еще цветочки. Перед этим я сегодня грохнул телефон. Было занято: я распсиховался и лупил трубкой о стенку, пока штукатурка не посыпалась. – Кенан потряс головой. – Никогда так себя не вел прежде. В последнее время я постоянно в стрессовом состоянии.

– В наши дни многие испытывают стресс.

– Да, наверное. Пару-тройку дней назад какие-то сволочи похитили мою жену, разрезали ее на мелкие кусочки, упаковали в пластиковые мешки и привезли

мне обратно в багажнике машины. Не думаю, что все испытывают именно такой стресс.

– Спокойно, малыш… – произнес Пит.

– Со мной все в порядке. Мэтт, присядьте на минутку. Позвольте, я вам все расскажу по порядку, от начала и до конца. А потом, если захотите, уйдете. Забудьте, что я вам до этого наговорил. Мне наплевать, расскажете вы кому-нибудь или нет. Просто не могу заставить себя произнести все это вслух, потому что тогда я поверю в реальность этого кошмара. Но ведь это и есть реальность, верно?

Он изложил все практически так, как я описал раньше. Правда, я добавил некоторые детали, которые выяснил позже в ходе расследования, но братья Кури и сами узнали уже довольно много. В пятницу они нашли «тойоту-камри» там, где она была припаркована на Атлантик-авеню, и это привело их в «Арабский гурман», а пакеты в багажнике вывели на «Д’Агостино».

Когда Кенан закончил, я отказался от предложения выпить еще кофе, попросив стакан содовой.

– У меня есть несколько вопросов, – сказал я.

– Давайте.

– Что вы сделали с телом?

Братья переглянулись, и Питер жестом предложил Кенану ответить. Тот глубоко вздохнул и сказал:

– Есть у меня двоюродный брат. Он ветеринар, владеет больницей для животных на… Впрочем, не важно где. В одном старом районе. Я ему позвонил и сказал, что мне нужно по личным делам попасть к нему в клинику.

– Когда это было?

– Позвонил я ему в пятницу во второй половине дня, вечером получил от него ключи, и мы туда поехали. У него там агрегат, ну, его можно назвать печью. В нем сжигают домашних животных, которых клиенты приносят на усыпление. Мы взяли… э-э… мы взяли…

– Спокойно, малыш, спокойно.

Кенан нетерпеливо потряс головой.

– Да все со мной в порядке, я просто слов подобрать не могу. Как бы это сказать? Мы взяли куски… куски Франсин и кремировали.

– Вы освободили их от упаковки?

– Нет, зачем? Лента и пластик сгорели вместе со всем остальным.

– Но вы уверены, что это была именно она?

– Да. Да, мы немного развернули, и этого было достаточно, чтобы… э… чтобы убедиться.

– Я должен был у вас спросить.

– Понимаю.

– Короче, трупа нет, так?

Кенан кивнул.

– Только пепел. Пепел и кусочки костей, вот и все. Если вы думаете, что в результате кремации остается лишь горстка пепла, то ошибаетесь. Для измельчения кусочков костей в этой штуке есть специальное приспособление, ведь после самой печки остаются довольно приличные фрагменты. – Кенан поднял голову и посмотрел мне в глаза. – Когда я учился в школе, по вечерам работал у Лу. Черт, я не собирался называть его имени. Ну и черт с ним, какая разница? Отец хотел, чтобы я стал врачом, и полагал, что это послужит неплохой практикой. Не знаю, так ли это, но оборудование мне знакомо.

– А ваш двоюродный брат знает, для чего вам понадобилась его клиника?

– Люди знают только то, что хотят знать. Уж конечно, он догадывается, что я не поперся туда ночью, чтобы сделать себе прививку от бешенства. Мы проторчали там всю ночь. Печь маленькая, для животных, поэтому нам пришлось загружать ее в несколько приемов и охлаждать в промежутке. Господи, я даже думать об этом не могу.

– Мне очень жаль.

– Вы тут ни при чем. Знает ли Лу, что я воспользовался печью? Думаю, знает. Ему прекрасно известно, чем я занимаюсь. Так что он скорее всего решил, что я ухлопал конкурента и таким образом избавился от улик. Люди смотрят всякое дерьмо по ящику и считают, что так оно и есть в жизни.

– И он не возражал.

– Так он же член семьи. Он знал, что это срочное дело, о котором мы не станем рассказывать. К тому же я подкинул ему деньжат. Он не хотел брать, но у бедолаги двое ребятишек в колледже. Как он мог отказаться? К тому же не так уж много я ему и дал.

– Сколько же?

– Две штуки. Дешевые вышли похороны, верно? Я хочу сказать, что один только гроб выйдет дороже. – Он покачал головой. – Я собрал пепел в жестяную банку и поставил в сейф здесь, внизу. Не знаю, что с этим делать. Не имею представления, как бы она хотела, чтобы ее похоронили. Мы никогда не обсуждали этого. Господи, ей ведь всего двадцать четыре года! На девять лет и один месяц моложе меня. Мы поженились два года назад.

– Детей нет?

– Нет. Мы собирались подождать еще год, а потому… Боже, как же это все ужасно! Не возражаете, если я выпью?

– Нет.

– Пит так же говорит. А, черт бы с ним, не буду. Я хлопнул водки в четверг вечером, после того, как поговорил с ними по телефону, и больше ничего не пил с тех пор. Хотелось надраться, но я не стал. И знаете почему?

– Почему?

– Потому что хотел прочувствовать все. Вы думаете, я неправильно сделал? Отвез ее в клинику Лу и сжег? Вы думаете, не надо было?

– Думаю, это незаконно.

– Да, наверное, но меня это меньше всего волновало.

– Догадываюсь. Вы просто пытались сделать то, что подобает. Но в процессе уничтожили улики. Мертвое тело несет в себе кучу информации об убийстве для того, кто знает где и что искать. Когда вы превращаете тело в прах и пепел, вы эту информацию уничтожаете.

– А это важно?

– Ну, не помешало бы выяснить, как она умерла.

– Мне наплевать как. Все, что я хочу знать, это кто ее убил.

– Одно цепляется за другое.

– Значит, вы полагаете, я неправильно сделал. Боже мой, но я не мог вызвать полицию, отдать им мешок с кусками мяса со словами: «Это моя жена, позаботьтесь о ней». Я никогда не обращаюсь в полицию. Я занимаюсь такими делами, в которых не принято это делать, но если бы в багажнике «темпо» я нашел ее мертвой, но целой, тогда, может быть, и сообщил бы. Но так…

– Я вас понимаю.

– Но все же полагаете, что я поступил неправильно.

– Ты поступил так, как должен был поступить, – вымолвил Питер.

Разве не так?

– Не знаю, что правильно, что неправильно, – сказал я. – Вполне вероятно, что я поступил бы точно так же, если бы мой кузен был владельцем крематория. Но это не имеет значения. Что сделано, то сделано. Вопрос в том, в каком направлении нам двигаться дальше?

– И в каком же?

– Пока непонятно.

И это был не единственный вопрос. Их я задал бесчисленное множество, причем большую часть не по одному разу, гоняя их туда-сюда. Повторяя все снова, сделал кучу пометок в блокноте. Походило на то, что разрозненные останки Франсин Кури являлись единственной зацепкой во всем этом деле, а они рассеялись как дым.

Когда я наконец закрыл блокнот, братья Кури сидели и ждали, что я им скажу.

– Исходя из того, что мы имеем, похитители в полной безопасности. Они провернули дело и растворились, не оставив ни малейшего ключа к разгадке, кто они такие. Если они где и наследили, то пока этого не видно. Возможно, кто-то в супермаркете или на Атлантик-авеню узнал одного из них или запомнил номер машины. Стоит постараться, чтобы найти такого свидетеля. Но его существование – это лишь гипотеза. Вероятнее всего, такого свидетеля нет, а если и есть, то то, что он увидел, ничем нам не поможет.

– То есть вы хотите сказать, нет никаких шансов?

– Да нет же, вовсе не это. Я имею в виду, что при расследовании помимо работы с уликами, оставленными преступниками, ведется и другая работа. Например, известно, что они заполучили почти полмиллиона долларов. Есть две вещи, которые они могут сделать в этой связи, и каждая из них вполне может их засветить.

Кенан немного поразмыслил.

– Ну во-первых, они начнут их тратить, – сказал он. – А второе?

– Проболтаются. Жулики всегда рассказывают об удачных делах, и кто-то с удовольствием их продаст. Задача – пустить слушок, чтобы знали, кто покупатель.

– И вы знаете, как это сделать?

– Конечно, знаю. Вы хотели выяснить, насколько я все еще полицейский. Понятия не имею, но к решению такого рода проблем подхожу точно так же, как тогда, когда носил жетон. Действую в том же ключе до тех пор, пока не получу результат. В вашем деле я вижу несколько вариантов ведения следствия. Конечно, нет никаких гарантий, что хоть один из них окажется результативным, но все же стоит попробовать.

– Значит, вы займетесь этим?

Я заглянул в блокнот и сказал:

– Существуют две проблемы. Первую я уже назвал Питу по телефону. Я собираюсь уехать в Ирландию в конце этой недели.

– По делам?

– Нет. Просто развлечься. И сегодня утром уже заказал билет.

– Вы могли бы отменить заказ.

– Мог бы.

– Деньги, которые с вас вычтут за отмену заказа, вы можете включить в ваш гонорар. А вторая проблема?

– А вторая проблема – каким образом вы собираетесь использовать полученные от меня сведения?

– Думаю, ответ вам известен.

– Вот в этом-то и проблема, – кивнул я.

– Невозможно возбудить против них дело по обвинению в похищении и убийстве, поскольку нет доказательств преступления. Просто исчезла женщина, вот и все.

– Вот именно.

– Так что, исходя из этого, вам должно быть совершенно ясно, чего я хочу. Нужно озвучить?

– А почему нет?

– Я хочу, чтобы эти сволочи сдохли. Хочу при этом присутствовать, хочу в этом участвовать.

Кенан произнес свою тираду совершенно спокойно, ровным, лишенным эмоций тоном.

– Я хочу этого настолько сильно, как ничего другого в жизни. Вы так и предполагали?

– Примерно.

– Неужели вас беспокоит, что может произойти с людьми, способными сотворить нечто подобное? Схватить ни в чем не повинную женщину и разрезать ее на кусочки?

– Нет, – не задумываясь ответил я.

– Мы сами сделаем все, что нужно. Вам не придется в этом участвовать.

– Иными словами, я всего лишь приговорю их к смерти.

– Они сами себе вынесли приговор, – покачал головой Кенан. – Своими деяниями. Вы всего лишь поможете осуществить справедливое возмездие. Что вы на это скажете?

У меня были кое-какие сомнения на этот счет, поэтому я промолчал.

– Есть ведь еще кое-что, что вас смущает, верно? Род моей деятельности.

– Немаловажный фактор.

– Ваше высказывание по поводу сбыта крэка школьникам. Я не… как бы это… у меня нет магазинов на школьном дворе.

– Не сомневаюсь.

– Проще говоря, я не мелкий торговец. Я тот, кого называют наркодельцом. Улавливаете разницу?

– Конечно. Вы та крупная рыба, которая всегда ускользает из сети.

– Не думаю, что такая уж крупная, – засмеялся Кенан. – У распространителей среднего звена самые большие объемы продаж. Ведь я либо поставляю большие партии, либо покупаю у того, кто уже поставил товар в страну, а затем сбываю тому, кто продает уже меньшими партиями. Мой покупатель, вероятно, зарабатывает больше, чем я, потому что он крутит сделки круглый год, тогда как я могу проводить в год всего одну-две, не больше.

– Но вы тоже, прямо скажем, не бедствуете.

– Не бедствую. Это опасный бизнес, связанный с нарушением закона, поэтому есть куча людей, которые так или иначе помогают избегать неприятностей. А там, где есть большой риск, там и доходы соответствующие. И это бизнес. Люди хотят этот товар.

– По товаром вы подразумеваете кокаин.

– Вообще-то я практически не занимаюсь порошком. Мой основной товар – героин. Немного гашиша, но последние года два главным образом героин. Слушайте, сразу говорю, что не собираюсь оправдываться. Люди покупают, попадают на крючок, обворовывают родных матерей, взламывают чужие дома и умирают от передоза. Пользуются одним шприцем на всех и получают СПИД. Я все это знаю. Но существуют же производители оружия, спиртных напитков, табака. Сколько народа умирает в год от алкоголизма и курения в сравнении с тем количеством, которое гибнет от наркотиков?

– Продажа алкоголя и табака – вполне законное дело.

– А какая разница?

– Некоторая есть. Хотя не могу сказать точно какая.

– Возможно. Я тоже ее не вижу. Но в том и другом случае это грязный товар. Но один довод я могу привести себе в оправдание. Я не рекламирую свой товар, не лоббирую его в конгрессе, у меня нет службы по связи с общественностью, которая талдычит гражданам, что то дерьмо, которым я торгую, им полезно. Тот день, когда люди перестанут покупать наркотики, будет днем, когда я сразу же начну покупать и продавать что-то другое. И не стану хныкать по этому поводу и обращаться в правительство с просьбой о федеральных субсидиях.

– Но ты все-таки не леденцами торгуешь, малыш, – вставил слово Питер.

– Нет, конечно. Мой бизнес – грязный, и я никогда и не утверждал обратного. Но я работаю честно, никого не надуваю, никого не убиваю и очень осторожен в выборе партнеров. Именно поэтому я жив и здоров и нахожусь на свободе, а не за решеткой.

– А вы когда-нибудь сидели?

– Нет. Меня ни разу не арестовывали. Так что если вас смущает, что придется работать на наркодельца…

– Меня это не смущает.

– Во всяком случае, с официальной точки зрения я не наркобарон. Не стану утверждать, что в отделе по борьбе с наркотиками или в УБН[3 - УБН – Управление по борьбе с наркотиками. – Примеч. ред.] нет на меня досье. Насколько мне известно, я никогда официально не был под следствием. В моем доме нет «жучков» и телефон тоже не прослушивается. Если бы это было так, я бы сразу узнал. Впрочем, я вам уже об этом говорил.

– Да.

– Погодите минутку, я вам сейчас кое-что покажу.

Он вышел в другую комнату и вернулся с большой фотографией в серебряной рамке.

– Наша свадебная фотография. Два года будет в мае.

На фотографии он был во фраке, а она вся в белом. Его лицо украшала широкая улыбка. Франсин не улыбалась, а вся прямо-таки светилась от счастья.

Я не нашел что сказать.

– Не знаю, что они с ней сделали. Я не позволяю себе об этом думать. Но они убили ее и надругались над ней. Я должен что-то предпринять, иначе просто умру. Откровенно говоря, мы с Питом попытались начать все делать сами, но мы не знаем, что и как будет правильно. Те вопросы, которые вы задавали, ваш подход к делу, помимо всего прочего, четко показали мне, что в данной сфере я полный профан. Поэтому мне нужна ваша помощь, и я заплачу вам столько, сколько захотите. Деньги не проблема, у меня их полно. А если вы откажетесь, я либо найду кого-то другого, либо займусь этим сам, что еще, черт побери, мне остается делать?

Он наклонился, забрал у меня фотографию и посмотрел на нее.

– Боже мой, какой это был прекрасный день! И все последующие дни. И все это превратилось в дерьмо.

Он поднял на меня взгляд и продолжил:

– Да, я наркоделец, поставщик наркотиков, называйте как угодно и да, я собираюсь убить этих ублюдков. И что вы теперь скажете? Беретесь за это или нет?

Мой лучший друг, человек, к которому я собирался поехать в Ирландию, профессиональный преступник. Легенда гласит, что однажды ночью он шел по улицам Хеллс Китчен с сумкой, из которой торчала отрубленная им голова одного из его врагов. Не могу утверждать, что так оно и было, но относительно недавно я был рядом с ним в одном подвале в Маспете, когда он отрубил мужику руку одним ударом мясницкого ножа. В ту ночь у меня в руке была пушка, и я ею воспользовался. Так что если в чем-то я все еще оставался полицейским, то во многом другом претерпел существенные изменения. Голову я давно уже снял, чего же плакать по волосам?

– Берусь. – Мой ответ прозвучал твердо.

Глава 3

К себе в гостиницу я вернулся чуть позже девяти. Мы довольно долго просидели с Кенаном Кури, записывая в мой блокнот имена его друзей, знакомых и членов семьи. Я сходил в гараж и осмотрел «тойоту», в которой и обнаружил в магнитофоне кассету с Бетховеном. Если в машине Франсин и имелись какие-то следы, я их не нашел.

Другой автомобиль, серый «темпо», в котором доставили ее разрозненные останки, я не имел возможности осмотреть. Похитители поставили ее в неположенном месте, и за выходные служба безопасности движения куда-то его отволокла. Можно было попытаться его найти, но для чего? Он практически наверняка был угнан для этого конкретного дела, а перед этим кем-то брошен, судя по его состоянию. Полицейские эксперты-криминалисты, может, и смогли бы что-нибудь обнаружить в багажнике или внутри машины. Волокна ткани или что-то еще, что могло бы дать толчок следствию. Но у меня нет возможности произвести такую экспертизу. Поэтому бегать по Бруклину в поисках машины было бы пустой тратой времени.

Мы втроем проехали на «бьюике» по длинному круговому маршруту мимо «Д’Агостино» и арабского рынка на Атлантик-авеню, затем на юг по Флэтбуш и на восток по Эн-стрит до второй будки на улице Ветеранов. Мне не очень-то было нужно осматривать эти достопримечательности. Вряд ли можно получить нужную информацию, обозревая телефонные будки, но я все же умудрился извлечь определенную пользу. Иногда совсем не помешает самому изучить все на месте, пройтись по тротуарам, подняться по ступенькам, проиграть, так сказать, всю сцену. Это делает произошедшее более реальным.

Таким образом я заставил братьев Кури проделать все еще раз. Во время полицейских расследований свидетели вечно жалуются, что им приходится по нескольку раз повторять одно и то же разным людям. Им кажется, что они попусту тратят время, но это не совсем так. Рассказывая несколько раз одно и то же, свидетели иногда вспоминают что-то, о чем не упоминали в прошлый раз, или полицейский ухватит в рассказе что-то, что пропустили коллеги.

В процессе передвижения мы остановились в «Аполлоне», кофейне на Флэтбуш. Там мы заказали сувлаки. Было вкусно, но Кенан практически не притронулся к еде.

– Мне бы следовало заказать что-то другое, – позже произнес он уже в машине. – С той ночи я мяса даже видеть не могу. Меня от него воротит. Уверен, со временем пройдет, но пока что мне явно следует отказаться от него. Глупо заказывать то, что не можешь заставить себя проглотить.

* * *

Питер на «тойоте» вез меня домой. Со дня похищения он постоянно находился у брата на Колониал-роуд, ночуя на кушетке в гостиной. И сейчас он ехал к себе домой взять кое-какие вещи.

Иначе я вызвал бы такси. Вообще-то я прекрасно чувствую себя и в подземке, она не вызывает у меня опасений, но казалось смешным экономить на такси, имея в кармане десять тысяч. Я выглядел бы полным идиотом, если бы в метро меня обчистил карманник.

Эти деньги были даны мне на расходы. Две пачки сотенных по пятьдесят купюр в каждой. Две пачки, абсолютно идентичные тем восьмидесяти, отданным в виде выкупа за Франсин Кури. У меня всю жизнь проблемы с оценкой стоимости моих услуг, но в данном случае я ничего не решал. Кенан просто кинул две пачки на стол, спросив, хватит ли для начала. Я ответил, что этого более чем достаточно.

– Я могу себе это позволить, – хмыкнул Кенан. – Денег у меня вагон. Они меня вовсе не разорили.

– Значит, вы могли заплатить им и миллион?

– Мог бы, но мне пришлось бы выезжать из страны. У меня счет в банке на Кайманах, там около полумиллиона. Здесь, в сейфе лишь семьсот штук. В принципе я смог бы найти оставшиеся триста здесь, в городе. Нужно было просто звякнуть в пару мест. Но вот что я думаю…

– Что?

– А, так, глупость. Предположим, я бы не давил на них в разговоре, был бы вежлив, лизал бы им задницы, и все такое? И согласись я на миллион, вернули бы они ее живой?

– Они бы все равно ее убили.

– Я тоже себя в этом пытаюсь убедить, ну а вдруг? Меня не перестают терзать мысли о том, что я мог еще что-то предпринять. Предположим, изображал бы крутого до конца, пригрозил бы не дать ни гроша, пока не получу доказательств, что она жива?

– Она наверняка была уже мертва, когда они позвонили.

– Молю Бога, чтобы так оно и было, но не уверен в этом. Я все время думаю, что все-таки мог ее спасти. Все время думаю, что я во всем виноват.

Мы проехали обратно на Манхэттен по скоростным трассам, Шор-Парквэй и Гованус через туннель. Машин в это время было немного, но Питер ехал медленно, лишь изредка свыше сорока миль в час. Сначала мы молчали, но потом тишина стала давить.

– Ну и денечки были, – заговорил он первым.

Я поинтересовался, как он все это перенес.

– Нормально.

– На встречи ходил?

– Я регулярно хожу. – Затем, немного помолчав, добавил: – У меня не было возможности попасть на встречу с того дня, как началась вся эта катавасия. Был сильно занят, как ты понимаешь.

– Если ты запьешь, брату от тебя будет мало пользы.

– Да знаю я.

– Встречи проводятся и на Бэй-Ридж. Тебе не нужно было возвращаться в город.

– Знаю. Я собирался пойти вчера вечером, но не сложилось. – Он побарабанил пальцами по рулю. – Думал, успеем сегодня в собор Святого Павла, но мы опоздали. Доберемся туда намного позже девяти.

– Есть десятичасовая встреча на Хаустон-стрит.

– Видно будет. Пока доберусь до дома, соберу то, что мне нужно…

– Если не попадешь на десятичасовую, будет еще в полдень. Там же, на Хаустон, между Шестой и Варик.

– Я знаю, где это находится.

Что-то в его тоне заставило меня воздержаться от дальнейших предложений.

– Я понимаю, что мне не следует пропускать встречи, – немного погодя сказал Питер. – Постараюсь попасть на десятичасовую. С полуденной сложнее. Мне бы не хотелось оставлять Кенана надолго одного.

– Может, ты сумеешь попасть на одну из завтрашних встреч в Бруклине?

– Возможно.

– А как твоя работа? Ты туда не ходишь?

– Пока нет. Сказал, что болен, но не велика беда, если они меня и выставят. Такую работу легко найти.

– А что ты делаешь, как рассыльный?

– Главным образом доставляю обеды. На Пятьдесят седьмую и Девятую.

– Тяжело, должно быть, работать в подобной сфере, имея такого брата.

Питер помолчал, потом сказал:

– Кенан хотел, чтобы я работал с ним. Но я не могу заниматься такого рода делами и оставаться чистым. Не потому, что всегда есть доступ к наркотикам. Это не так – товара ты практически и не видишь. Я имею в виду склад ума и отношение к работе в целом, если ты понимаешь, о чем я.

– Конечно.

– Ты абсолютно прав насчет встреч. Я все время хочу напиться с того самого момента, как узнал о похищении Франсин. Я не позволял себе этого, но не могу избавиться от этой мысли. Я гоню, но она возвращается снова и снова.

– Ты давно общался со своим опекуном?

– Считай, у меня его нет. Они дали мне временного, когда я впервые пришел, и сначала мы довольно регулярно созванивались, но потом все сошло на нет. К тому же до него вообще трудно дозвониться. Мне бы следовало найти постоянного, но по некоторым причинам я этого не сделал.

– Как-нибудь на днях…

– Знаю. А у тебя есть опекун?

– Мы как раз с ним встречались прошлым вечером, – кивнул я. – Как правило, вместе ужинаем по воскресеньям, да и на неделе общаемся.

– Он дает тебе советы?

– Иногда. Я слушаю, но делаю как считаю нужным.

Вернувшись к себе в гостиницу, я первым делом позвонил Джиму Фаберу.

– Только что о тебе рассказывал, – сообщил я ему. – Приятель поинтересовался, дает ли мне мой опекун советы, и я ему ответил, что всегда в точности им следую.

– Твое счастье, что Господь тебя не покарал за ложь прямо на месте.

– Угу. Но я передумал ехать в Ирландию.

– О? Вчера ты вроде был решительно настроен. Проснувшись с утра, ты глянул на это другими глазами?

– Да нет. И с утра я отправился в туристическое агентство и забронировал дешевое место на пятничный вечерний рейс.

– Даже так?

– А сегодня во второй половине дня кое-кто предложил мне работу, и я согласился. Ты не хочешь слетать в Ирландию на три недели? Сомневаюсь, что получу обратно деньги за билет.

– Ты уверен?

– Ну, они сказали, что деньги вернуть не получится. Это не страшно: за работу получил достаточно, так что безболезненно могу списать пару сотен. Но я хотел сказать, что остаюсь не для того, чтобы поддаться безумию.

– Ты практически в полном порядке. Поэтому я и беспокоился. Конечно, ты сумел остаться трезвым, околачиваясь с твоим приятелем в его пабе…

– Он пьет за нас обоих.

– Ну во всяком случае, дело идет неплохо. Но по ту сторону океана, без привычной системы поддержки… К тому же твое беспокойное состояние в последнее время…

– Да знаю я. Но ты можешь не волноваться.

– Даже если это не моя заслуга?

– Ну может, и твоя. Неисповедимы пути Господни, чудны дела Его.

– Угу. Велика справедливость Его.

Элейн было очень жаль, что я не еду в Ирландию.

– И конечно, не было никакой возможности на некоторое время эту работу отложить?

– Нет.

– Или ты успеешь закончить к пятнице?

– К пятнице я только-только приступлю.

– Жаль. Но ты не выглядишь огорченным.

– А я и не огорчен. По крайней мере я не сообщил Мику, когда нужен билет, поэтому не придется тратиться на дополнительный звонок, чтобы поведать ему об изменении своего решения. Честно говоря, я рад этой работе.

– Хочешь чем себя занять?

– Вот именно. Как раз этого мне и не хватало. Гораздо больше, чем отпуска.

– И хорошее дело?

Я ей еще ничего не рассказывал.

– Ужасное, – немного подумав, ответил я.

– О?

– Господи, чего только люди не творят с себе подобными! Ты, возможно, думаешь, что я ко всему привык, но это не так.

– Не хочешь рассказать?

– Только при встрече. Вечером увидимся?

– Если тебе работа не помешает.

– С чего бы? Я за тобой заеду около семи. Если задержусь, позвоню.

Я принял горячую ванну и хорошенько выспался. С утра отправился в банк и добавил семьдесят сотенных к уже имеющимся на моем личном счете. Две тысячи перевел на чековый счет и еще тысячу положил в задний карман.

Бывали времена, когда я немедленно просадил бы их. Я проводил тогда кучу времени в церквах и в, так сказать, религиозном экстазе оставлял ровно десять процентов от наличности в каждом ящике для сбора пожертвований. Эта святая привычка исчезла вместе с пьянством. Не знаю, почему я прекратил это делать, но следует заметить, совершенно не понимаю, почему начал.

Вообще-то я мог засунуть в такой ящик мой билет на самолет, и это была бы единственная возможная от него польза. Я зашел в агентство и еще раз убедился – билет невозвратный.

– В принципе я обязан вам сказать, чтобы вы принесли бумагу от врача в подтверждение того, что отменяете заказ по медицинским показаниям, – сообщил агент, – но толку от этого никакого, потому что вы брали билет не в авиакомпании, а в конторе, которая скупает билеты оптом и продает по низкой цене.

Он предложил мне попробовать перепродать его. Я, оставив билет, направился к метро.

Весь день я проторчал в Бруклине. У меня была с собой фотография Франсин Кури, которую я взял на Колониал-роуд, и я показал ее в «Д’Агостино» на Четвертой авеню и в «Арабском гурмане» на Атлантик. Я шел по давно остывшему следу, поскольку был уже вторник, а похищение произошло в четверг, но с этим я ничего поделать не мог. Конечно, было куда как лучше, если бы Пит позвонил мне в пятницу, вместо того чтобы дожидаться, пока пройдут выходные. Но у них имелись дела поважнее.

Вместе с фотографией я показывал визитку «Надежности» с моим именем, объясняя, что веду расследование, связанное со страховкой. Автомобиль моей клиентки был поврежден другой машиной, водитель которой уехал с места происшествия, и если я его не найду, это может затянуть и усложнить выплату страховки.

В «Д’Агостино» я переговорил с кассиром, признавшую во Франсин постоянную покупательницу, всегда расплачивающуюся наличными. Весьма необычный грант в нашем обществе, но распространенный в кругах наркодельцов.

– И вот что я вам еще скажу о ней. Готова поспорить, что она хорошо готовит.

Должно быть, у меня был сильно озадаченный вид, потому что женщина пояснила:

– Она не покупает готовой еды или полуфабрикатов. Всегда только свежие продукты. В наши дни большая часть ее сверстниц мало что смыслят в готовке. Но в ее тележке я ни разу не видела рекламируемых по телевизору готовых ужинов.

Мальчик-носильщик тоже ее помнил и поведал, что она всегда дает два доллара чаевых. Я спросил и о фургоне, и он вспомнил, что напротив стоял синий фургон, который двинулся за ней следом. Он не разглядел ни марки фургона, ни номера, но довольно уверенно назвал цвет. И вроде бы на кузове было написано что-то насчет ремонта телевизоров.

На Атлантик-авеню народ запомнил больше. Женщина за кассой сразу же узнала Франсин на фото и рассказала, что та купила оливковое масло и что-то еще со странным для меня названием. Самого похищения женщина не видела, потому что в этот момент занималась с другим клиентом. Она знала, что произошло что-то интересное, потому что вошел какой-то покупатель с рассказом о двоих мужчинах и женщине, бежавших от магазина и впрыгнувших в кузов фургона. Покупатель думал, что они только что ограбили магазин и сматывались с места преступления.

Я исхитрился опросить еще нескольких человек до полудня, когда собирался пойти куда-нибудь неподалеку пообедать. Но вместо этого вспомнил совет, столь охотно данный мной Питеру Кури. Я и сам с субботы не был на встречах, а уже вторник. И вечер занят – встречаюсь с Элейн. Я позвонил в координирующую контору и выяснил, что в 12.30 состоится встреча в Бруклин-Хайтс, буквально минутах в десяти ходьбы от места, где я нахожусь. Основным выступающим оказалась маленькая пожилая леди, очень чистенькая и аккуратная, но из ее рассказа выяснилось, что так было отнюдь не всегда. Она в свое время была побирушкой, ночующей, естественно, где придется, никогда не мылась и не меняла одежу, и ей до сих пор жутко вспоминать, как от нее воняло. Было трудно увязать эту историю с внешностью леди, сидящей во главе стола.

После встречи я вернулся на Атлантик-авеню. Купил сандвич и банку содовой в забегаловке, а заодно потолковал с владельцем. Перекусывая на улице, поговорил с продавцом и парой покупателей у газетного ларька. Потом зашел в «Алеппо» и побеседовал с кассиром и двумя официантами. Затем вернулся к «Аюбу» – я решил именно так называть «Арабский гурман», пока разговариваю с людьми, привыкшими к его прежнему названию. К этому времени кассирша вспомнила имя покупателя, испугавшегося, что мужчины из синего фургона ограбили магазин. Я нашел его номер в телефонной книге, но по нему никто не ответил.

На Атлантик-авеню я не рассказывал сказочку о страховке, потому что она мало состыковывалась с тем, что здесь могли видеть свидетели. Но мне не хотелось, чтобы у кого-то сложилось впечатление, будто произошло нечто страшное вроде похищения или убийства, потому что не исключал возможности, что в ком-нибудь вдруг проснется чувство гражданского долга и тот известит полицию. Так что изложенная мной версия выглядела примерно так, несколько изменяясь в зависимости от того, кому я ее рассказывал.

У моей клиентки есть сестра, которая собирается замуж за иностранца нелегала, рассчитывающего остаться в стране. У будущего жениха есть подружка, семья которой активно препятствует этом браку. Двое мужчин, родственники этой подружки, постоянно преследуют мою клиентку, пытаясь перетащить ее на свою сторону, чтобы она тоже помешала браку. Моя клиентка вполне понимает их мотивы, но не желает быть втянутой в эту историю. В четверг они преследовали ее вплоть до «Аюба». Когда она вышла из магазина, они посадили ее в кузов фургона под каким-то предлогом и долго возили кругами, пытаясь переубедить. Когда они ее наконец высадили, она была на грани истерики и оставила в их фургоне не только покупки (оливковое масло и все такое прочее), но и сумочку, в которой лежал очень дорогой браслет. Она не знает ни имени этих людей, ни как с ними связаться, ни…

Не уверен, что история получилась достаточно связной, но я не собирался продавать ее на телевидение, а всего лишь использовал для заверения некоторых отдельных в меру солидных граждан в том, что им ничто не грозит и они поступят исключительно благородно, оказав посильное содействие.

В результате я получил целую кучу советов. Наподобие такого, к примеру: «Подобные браки – плохая штука, она должна сказать сестре, что оно того не стоит». Но приобрел и массу полезной информации.

Покончив с этим где-то в начале пятого, я спустился в подземку и доехал до Коламбус-Серкл, опередив на несколько минут начало часа пик. В регистратуре меня ждала почта. Мусор по преимуществу. Однажды я что-то заказал по каталогу, и с тех пор каждый месяц получаю дюжину новых журналов. У меня крошечная комната, где нет места для этой макулатуры, не говоря уж о товарах, которые мог бы приобрести.

Поднявшись наверх, я выбросил в урну все, кроме счета за телефон и двух записок, которые извещали, что звонил Кен Карри, в первый раз в 2.30, второй – в 3.45. Я не стал ему перезванивать сразу. Выдохся.

Денек выдался нелегкий. Конечно, я не разгружал мешков с цементом, но все эти разговоры с разными людьми выматывают ничуть не меньше. Приходится все время концентрировать внимание, особенно если вынужден при этом плести небылицы. Если вы не патологический лжец, рассказывать байки сложнее, чем говорить правду. На этом принципе построен детектор лжи, и мой собственный опыт тоже подтверждает правоту данного утверждения. Целый день лгать и играть роль сильно утомляет, особенно если вы еще при этом все время на ногах.

Я ополоснулся под душем, побрился, потом включил новости и минут пятнадцать слушал, закрыв глаза и закинув ноги на стол. Примерно в 5.30 я позвонил Кенану Кури и сообщил, что наметился некоторый прогресс, хотя докладывать пока особо нечего. Он поинтересовался, не может ли чем-то помочь.

– Пока нет. Я собираюсь вернуться на Атлантик-авеню завтра, может, еще что выплывет. А когда закончу там, приеду к вам. Вы будете дома?

– Конечно. Мне некуда идти.

Я поставил будильник и снова закрыл глаза. Звонок пробудил меня ото сна в половине седьмого. Напялив костюм и галстук, я отправился к Элейн. Она налила мне кофе, а себе перье, потом мы взяли такси и поехали в «Азиатское общество», где недавно открылась выставка, посвященная Тадж-Махалу, что как раз совпадало с курсом, который Элейн слушала в «Хантере». Пройдя по трем залам выставки, издавая подходящие случаю восклицания, мы проследовали за

толпой в следующий зал, где чинно уселись на стулья и прослушали сольный концерт игры на гитаре. Понятия не имею, хорошо исполнитель играл или плохо. Я вообще не понимаю, как можно это определить и как сам музыкант определяет, настроен этот инструмент или нет.

В завершение всего был фуршет.

– Нет необходимости здесь задерживаться, – шепнула Элейн, и после нескольких минут вежливых улыбок и обмена любезностями мы очутились на улице.

– Тебе не понравилось, – хмыкнула Элейн.

– Все было прекрасно.

– Господи, – вздохнула она, – на что только не пойдет мужчина, желая лечь с женщиной в койку.

– Да ладно тебе, – ухмыльнулся я. – Все было не так уж плохо. Такую же музыку играют в индийских ресторанах.

– Но там никто не заставляет ее слушать.

– А кто слушал?

Мы пошли в итальянский ресторан и за чашкой эспрессо я рассказал ей о Кенане Кури и о том, что случилось с его женой. Когда я закончил, она долго смотрела на скатерть, как будто на ней было что-то написано. Затем медленно подняла голову и посмотрела мне в глаза. Элейн очень сильная и волевая женщина, но сейчас она выглядела трогательно уязвимой и беззащитной.

– Боже мой! – произнесла она.

– И такое бывает.

– И этому нет конца, верно? – Она отпила воды из бокала. – Какая жестокость, какой садизм. Зачем кому-то… А, к чему спрашивать?

– Мне кажется, это было проделано ради удовольствия. Они, должно быть, неплохо порезвились. Не просто убили ее, но и хорошенько повозили мордой, рассказывая, что она будет в машине около дома, когда он приедет, но найдена была в виде мелких кусочков в багажнике «форда». Они убили ее не обязательно потому, что просто являются садистами. Они могли просто решить, что так безопаснее, чем оставлять живого свидетеля, который может их опознать. Но никакой практической пользы от их дальнейших действий нет, кроме желания вогнать нож поглубже, да еще провернуть его разок-другой. К тому же они немало потрудились, чтобы расчленить тело. Извини, разговор не совсем к месту, да?

– Это прекрасная сказка на ночь.

– Настраивает на нужный лад, а?

– Ничто не может возбудить сильнее. Нет, правда, меня это не задело. То есть нет, задело, но меня от этого не воротит. Конечно, ужасно разрезать кого-то на кусочки, но ведь не это главное, верно? Главное то, что в мире существует такое зло, которое может появиться ниоткуда и убить тебя совершенно ни за что ни про что. Вот что действительно ужасно, и это одинаково плохо воспринимается и на пустой и на полный желудок.

Мы вернулись к ней домой, и она поставила фортепьянный концерт Седара Уолтона, который мы оба любили. Мы сели на кушетку и тихо слушали. Когда одна сторона закончилась, Элейн перевернула кассету и на середине другой стороны мы отправились в спальню, где занялись любовью с удивительной жадностью. После мы оба долго молчали, но через какое-то время Элейн произнесла:

– Вот что я тебе скажу, парниша. Если мы и дальше продолжим в том же духе, у нас скоро начнет неплохо получаться.

– Ты так думаешь?

– Меня это не удивит. Останься до утра.

Я поцеловал ее.

– Так и задумывалось.

– М-м-м. Хорошая задумка. Не хочу оставаться одна.

Мне тоже этого не хотелось.

Глава 4

Я позавтракал у Элейн и оказался на Атлантик-авеню почти в одиннадцать. Там провел пять часов, большей частью на улице и в магазинах, а также немного в местной библиотеке. Чуть позже четырех прошел пару кварталов и прыгнул в автобус до Бэй-Ридж.

Когда я видел Кенана Кури в прошлый раз, у него был сильно помятый и небритый вид. Сейчас он выглядел холодным и решительным, в серых габардиновых слаксах и светлой клетчатой рубашке. Мы прошли на кухню, и Кенан сообщил, что брат уехал на работу.

– Пит сказал, что останется со мной, что ему наплевать на работу, но сколько же еще мы будем с ним перемалывать одну и ту же тему? Я заставил его взять «тойоту», чтобы ему было проще ездить туда-сюда. Ну а как у вас дела, Мэтт? Узнали что-нибудь?

– Двое мужчин примерно моего роста схватили вашу жену прямо на улице возле «Арабского гурмана» и засунули ее в кузов синего фургона или грузовика. Видимо, тот же самый следовал за ней от «Д’Агостино». На дверцах фургона была надпись. По показаниям одного из свидетелей, написанная белыми буквами. «Продажа и ремонт телевизоров» и название компании в виде какой-то аббревиатуры. «Би-энд-Эл», «Эйч-энд-Эм». У всех разная информация. Двое вспомнили указанный адрес в Куинсе, а один указал более конкретно – Лонг-Айленд-Сити.

– И такая фирма существует?

– Описание довольно туманное, годится для десятка фирм. Пара букв, ремонт телевизоров, расположенная в Куинсе. Я обзвонил пять или шесть и не нашел ни одной, где есть темно-синий фургон. И ни у одной фирмы ничего подобного не угоняли. Впрочем, я и не рассчитывал на удачу.

– А почему?

– Не думаю, что фургон угнанный. Сдается мне, они следили за вашим домом в четверг с самого утра, ожидая, когда выйдет ваша жена, и потом последовали за ней. Вероятно, они уже не впервые поджидали подходящего случая, чтобы провернуть свое дельце. Вряд ли они стали бы каждый раз угонять автомобиль и разъезжать в нем целый день, тогда как в любое время он может быть объявлен в розыск.

– Так вы полагаете, это их фургон?

– Скорее всего. Похоже, они намалевали на дверях липовое название и адрес, а после похищения просто замазали прежний и написали другой. Я, например, нисколько не удивлюсь, если фургон теперь вообще другого цвета.

– А номерной знак?

– Вот он-то как раз скорее всего краденый, хотя это практически не имеет значения, потому что никто никогда не обращает внимания на номер. Один из свидетелей вообще предположил, что бегущая троица – это грабители, но все, что свидетель предпринял, это влетел в магазин, желая убедиться, что там все в порядке. Другой мужчина посчитал, что происходит что-то непонятное и глянул на номер, но единственное, что запомнил, вроде бы одна из цифр – девять.

– Н-да, очень полезные сведения.

– Чрезвычайно. Мужчины были одеты одинаково: темные штаны, темные рабочие рубахи и синие ветровки. Нечто вроде униформы, а в сочетании с фургоном это не вызывает подозрений. Я уже много лет назад усвоил, что можно пройти куда угодно, держа в руках какой-нибудь прибор, потому что это выглядит так, как будто ты пришел по делу. И эти двое руководствовались этим правилом. Два разных человека сказали мне, что были уверены, что видят двоих парней из

эмиграционной службы, взявших на улице нелегальную иммигрантку. Это одна из причин, по которой никто не вмешался. И еще потому, что все произошло настолько быстро, что никто толком не успел среагировать.

– Отлично придумано.

– И униформа сыграла свою роль. Она позволила им раствориться в толпе, люди запомнили лишь то, что оба выглядели одинаково. Я говорил, что они к тому же были в бейсболках? Свидетели описали бейсболки и ветровки, то есть те вещи, которые похитители надели специально на дело, а потом избавились от них.

– Выходит, у нас практически ничего нет.

– Не совсем так. У нас нет ничего, что могло бы вывести на них напрямую, но кое-что все же есть. Нам известно, что они сделали и как, что они заранее спланировали всю операцию. Как они могли на вас выйти, не знаете?

– Им известно, что я поставщик, – пожал плечами Кенан. – Они упомянули об этом, взяв меня на мушку, потому что это значит, что у меня есть деньги и я не стану обращаться в полицию.

– Что еще им о вас известно?

– Мое этническое происхождение. Один из них, тот, что позвонил первым, всячески оскорблял меня относительно его.

– Кажется, вы об этом уже говорили.

– Гребаный араб, негритос песчаный. Вот это здорово, а? Негритос песчаный. Он забыл еще «верблюжьего жокея». Это я частенько слышал от итальянских детишек в соборе Святого Игнатия. «Эй, Кури! Долбаный верблюжий жокей!» Единственный верблюд, которого я в жизни видал – и то на пачке сигарет.

– Вы думаете, арабское происхождение делает вас подходящей мишенью?

– Такое мне в голову не приходило. Конечно, существуют определенные предрассудки по этому поводу, но я никогда особенно с ними не сталкивался.

Франсин из палестинской семьи, я говорил об этом.

– Говорили.

– Им приходится куда хуже. У меня есть знакомые палестинцы, которые выдают себя за ливанцев или сирийцев, чтобы избежать травли. «А, ты палестинец! Значит, террорист!» Такого рода невежественные заявления. К тому же есть люди, распространяющие такое мнение обо всех арабах вообще. – Кенан закатил глаза. – Мой отец, например.

– Ваш отец?!

– Я бы не сказал, что он антиараб, но у него была целая теория о том, что мы не арабы. Видите ли, мы ведь христиане.

– А я как раз размышлял, что вы делали в соборе Святого Игнатия.

– Когда-то я сам этого не понимал. Нет, мы христиане-мароны, и, исходя из теории моего старика, мы финикийцы. Вы когда-нибудь слышали о финикийцах?

– Что-то из библейских времен, верно? Торговцы и открыватели, что-то в этом роде?

– Верно. Великие мореходы, они плавали вокруг Африки, колонизировали Испанию и, вероятно, достигли берегов Британии. Они основали Карфаген в Северной Африке, а на раскопках в Англии нашли кучу карфагенских монет. Они первые открыли Полярис – Северную Звезду. Я хочу сказать, первые обнаружили, что она всегда находится на одном месте и может быть путеводной для кораблей. Они разработали алфавит, послуживший основой греческому. – Он замолчал, немного смутившись. – Мой отец все время о них говорил. Похоже, кое-что осело у меня мозгах.

– Похоже на то.

– Он не был одержимым, но знал о них очень много. Отсюда и мое имя. Финикийцы называли себя кенаани, или канааниты. Мое имя должно произноситься Кенан, но все говорят Кинан.

– На полученной мной вчера записке написано «Кен Карри».

– Ну да, очень типично. Я делал заказы по телефону, и они приходили в адрес «Кин и Карри», похоже на пару ирландских юристов. Ну, как бы то ни было, согласно отцу, финикийцы и арабы – совершенно разные народы. Они – канааниты – уже существовали во времена Авраама. Тогда как арабы происходят от Авраама.

– А я думал, от Авраама произошли евреи.

– Да, через Исаака, законного сына Авраама и Сара. А арабы – сыновья Измаила, сына Авраама от Агари. Господи, я давным-давно не вспоминал все это. Когда я был ребенком, отец поссорился с бакалейщиком, жившим рядом на Дин-стрит, и иначе как «этот измаилов ублюдок» его не называл. Ну и характер был у папаши!

– Он жив?

– Нет, умер три года назад. Он страдал диабетом, и это отразилось на сердце. Когда у меня приступ самобичевания, я говорю себе, что он умер от того, что сыновья, не оправдав его надежд, разбили ему сердце. Он надеялся, что один станет архитектором, а второй – врачом, а получил алкаша и наркодельца. Но не это убило его. Его погубила жратва. У него был диабет и пятьдесят фунтов избыточного веса. Мы с Питером могли с тем же успехом стать Джонасом Салком и Фрэнком Ллойдом Райтом, но это ничего не изменило бы.

Мы с Кенаном на пару разработали схему действий, и около шести он сделал первый из намеченных звонков. Набрал номер, подождал, затем назвал свой номер и положил трубку.

– Теперь подождем.

Ждать долго не пришлось. Буквально через пять минут раздался звонок.

– Привет, Фил! Как дела? Отлично. Тут такая штука. Не знаю, видел ли ты мою жену, но возникла угроза похищения, и я отправил ее из страны. Не знаю, в чем

дело, но полагаю, что это связано с бизнесом, ты понимаешь, о чем я? Так что я тут кое-что предпринял. Нанял парня, который занимается этим делом профессионально. И хочу дать знать народу, потому что, сдается мне, эти ублюдки взялись за дело всерьез, и есть у меня ощущение, что они убийцы. Точно. В том-то и дело, старик. Мы все здесь, нас легко вычислить, у нас полно налика, и мы не можем прибегнуть к помощи властей. Так что представляем прекрасную мишень для взлома и всего прочего… Точно. Это я все к тому, чтобы ты был поосторожнее. Держи ушки на макушке и глаза открытыми. И передай это, кому сочтешь нужным. И если что-то где-то всплывет, старик, сразу звони мне, понял? Точно.

Кенан повесил трубку и повернулся ко мне.

– Не знаю, что из этого получится. Похоже, я приложил максимум усилий, чтобы убедить его, что становлюсь параноиком. «Зачем ты отправил ее из страны, старик? Почему бы просто не купить собаку, нанять телохранителя?» Да потому что она уже мертва, дубина ты стоеросовая! Но я не стал ему этого говорить. Если об этом станет известно, возникнут дополнительные проблемы. Дьявольщина!

– В чем дело?

– Что я скажу семье Франсин? Каждый раз, когда звонит телефон, я с ужасом думаю, что это кто-то из ее родни. Ее родители развелись, и мать вернулась в Иорданию, но отец живет все в том же районе, и у нее полно родственников по всему Бродвею. Что я им скажу?

– Представления не имею.

– Рано или поздно все равно придется выложить им правду. А пока буду говорить, что она поехала в круиз, или что-нибудь в этом роде. И знаете, что они подумают?

– Что у вас семейные проблемы.

– Вот именно. Мы только что вернулись из Негриля, с чего бы ей отправляться в круиз? Должно быть, в семействе Кури не все ладно. Ну и Бог с ними, пусть думают, что хотят. По правде говоря, у нас с ней ни разу не возникло

разногласий, мы ни разу не ссорились, слова грубого друг другу не сказали. О Боже!

Кенан схватил трубку, набрал номер, назвал свой. Положив трубку, он нетерпеливо забарабанил пальцами по столу, а когда телефон зазвонил, поднял ее и заговорил:

– Привет, старина! Как дела? Ну да? Классно. Слушай, тут такое дело…

Глава 5

Я пошел на восьмичасовую встречу в соборе Святого Павла. И пока там сидел, мне пришла мысль, что Пит Кури тоже может на ней присутствовать, но он не появился. Потом я помог расставить стулья на место и присоединился к группе, отправившейся пить кофе в «Пламя». Впрочем, с ними я просидел недолго, потому что около одиннадцати был уже в пабе «У Пугана» на Западной Семьдесят второй улицы. Это одно из двух мест, где можно найти Дэнни Звонаря в промежутке между девятью вечера и четырьмя утра. В остальное время это не представляется возможным.

Второе место – джаз-клуб «Матушка Гусыня» на Амстердам-стрит. До «У Пугана» было ближе, так что я начал оттуда. Дэнни сидел на своем обычном месте в глубине зала, погруженный в разговор с темнокожим мужчиной, обладавшим остреньким подбородком и носом кнопкой. Остальные части лица закрывали огромные зеркальные темные очки, широченным набивным плечам его пиджака позавидовал бы даже самый крутой бодибилдер, а голову венчала шоколадного цвета соломенная шляпа, украшенная ярко-розовой лентой.

Я взял в баре кока-колу и подождал, пока он закончит свои дела с Дэнни. Минут через пять обладатель шляпы отклеил свой зад от стула, похлопал Дэнни по плечу, добродушно рассмеявшись, и вывалился на улицу. Я отвернулся, чтобы забрать сдачу, а когда повернулся обратно, его место уже занял лысоватый белый мужчина с густыми усами и объемным брюхом, не помещавшимся в рубашку. Первого я не узнал, разве что приблизительно, но вот этого я знал точно. Селиг Вольф. Ему принадлежала пара автостоянок, и он принимал ставки на всякие спортивные соревнования. Я как-то арестовал его сто лет назад по

обвинению в нападении, но потерпевший решил плюнуть на это дело.

Когда Вольф ушел, я прихватил с собой стакан колы и сел напротив Дэнни со словами:

– Трудный выдался вечерок.

– Да уж, – кивнул Дэнни Звонарь. – Набери номер и жди ответа. Хуже не придумаешь. Рад тебя видеть, Мэттью. Я тебя давно заприметил, но вынужден был мучиться с Вольфом. Ты ведь знаешь Селига?

– Конечно, но вот второго не узнал. У него рожа основателя фонда помощи негритянским колледжам, да?

– Как ужасно терять разум, – серьезно ответил Дэнни. – Ты, видимо, свой утратил, раз судишь по внешности. Костюм джентльмена – верх портновского мастерства, Мэттью, известный как фасон «зут». Костюм «зут», да будет тебе известно, сконструирован из добротного драпа. У моего папаши висел такой в шкафу, воспоминание о бурной молодости. При каждом удобном случае он доставал его и грозился надеть. Мамаша только глаза закатывала.

– Мудрая женщина.

– Его зовут Николсон Джеймс, – сообщил Дэнни. – Должно быть наоборот, Джеймс Николсон, но в каком-то документе перепутали, а он не стал менять. Говорит, так круче. Неплохо сочетается с его стилем ретро. Мистер Джеймс – сутенер.

– Да что ты? Никогда бы не подумал.

Дэнни Звонарь налил себе водки. Сам он одевался весьма элегантно: сшитый на заказ костюм с галстуком и жилет в красно-черную полоску. Дэнни – очень низенький худенький афроамериканец альбинос. Афроамериканец, потому что назвать его черным, как вы понимаете, никак нельзя. Ночи он проводит в пабах, в полумраке и тишине. Он не меньше Дракулы ненавидит дневной свет и днем очень редко подходит к телефону или к дверям. Но каждую ночь он либо «У Пугана» либо в «Матушке Гусыне» слушает, что говорят ему, и рассказывает

сам.

– Ты без Элейн.

– Сегодня да.

– Передай ей привет.

– Передам. У меня для тебя кое-что есть, Дэнни.

– О?

Я протянул ему пару сотен. Он посмотрел на деньги, затем глянул на меня, вопросительно подняв брови.

– У меня богатый клиент. Хочет, чтобы я ездил на такси.

– Ты хочешь, чтобы я вызвал тебе тачку?

– Нет, но я подумал, что следует немного разделить с тобой его доброту. Все, что от тебя требуется, это пустить слушок.

Я пересказал ему официальную версию, не называя Кенана Кури. Дэнни Звонарь выслушал, изредка хмурясь. Когда я закончил, он достал сигарету, глянул на нее и сунул обратно.

– Возникает вопрос.

– Давай.

– Жена твоего клиента выехала из страны и предположительно находится в безопасности. Поэтому он полагает, что они начнут угрожать кому-то другому.

– Именно.

– Так какое ему до этого дело? Мне нравится, что есть наркоделец, заботящийся об обществе, как эти производители марихуаны в Орегоне, делающие огромные анонимные наличные пожертвования «зеленым». Если на то пошло, моим любимым героем в детстве был Робин Гуд. Но какое дело твоему мужику, если нехорошие парни свистнут чью-то лапочку? Они получат выкуп и оставят одного из его конкурентов без денег, только и всего. Или завалят все дело, и им конец. Поскольку его жена выведена из игры…

– Господи, Дэнни, это была прекрасная версия, пока я не изложил ее тебе.

– Ну, извини.

– Его жена не покинула страну. Они ее похитили и убили.

– Он попытался изобразить крутого? Не хотел платить?

– Он заплатил четыреста штук. Они ее все равно убили.

Дэнни выпучил глаза.

– Но это только для тебя, – добавил я. – О смерти официально не сообщали, поэтому эту часть информации оставь при себе.

– Понятно. Ну, тогда его мотивы понятны. Он жаждет заполучить их шкуру. Есть какие-нибудь идеи, кто они могут быть такие?

– Никаких.

– Но ты думаешь, что они не остановятся.

– Зачем уходить победителем?

– Да, никто не уходит. – Он плеснул себе еще водки. В обоих заведениях ему приносили бутылку в ведерке со льдом, и он пил ее в больших количествах. Лакал как воду. Понятия не имею, куда в него влезает и как его субтильное тело ее усваивает.

– И сколько их, плохих парней?

– Минимум трое.

– Поделивших четыре штуки долларов. Должно быть, они тоже постоянно разъезжают на тачках, как полагаешь?

– Вполне возможно.

– И наркодельцы, особенно крупные, должны узнать, что им тоже может грозить похищение. Они ведь могут с тем же успехом похитить и самого торговца, верно? Не обязательно женщину.

– А вот в этом я сомневаюсь.

– Почему это?

– Мне кажется, им нравится убивать. Они с этого тащатся. Думаю, они сперва хорошенько поразвлекались с ней и даже пытали, а когда чувство новизны прошло, убили.

– На теле были следы пыток?

– Тело вернулось в виде двадцати или тридцати кусков, каждый в отдельной упаковке. Об этом тоже нельзя распространяться. Я вообще не хотел об этом упоминать.

– Честно говоря, лучше бы и не говорил. Мэттью, мне кажется, или мир действительно становится хуже с каждым днем?

– Во всяком случае, признаков улучшения не видно.

– Не видно. Помнишь «парад планет», когда все планеты выстроились, как солдаты? Не было ли это знаком рассвета очередной Новой эпохи?

– И что?

– Ну, говорят, что перед рассветом всегда наступает тьма. Впрочем, я тебя понял. Если убийство для них развлечение, если они насилуют и пытают, то не станут хватать торгаша с пивным брюхом и здоровенной жопой. Они не похожи на педиков, эти ребята.

– Точно.

Дэнни ненадолго задумался.

– Они снова пойдут на дело, – подумав, сказал он. – После такого успеха вряд ли стоит рассчитывать на то, что они остановятся. И вот о чем я подумал…

– Не совершали ли они нечто подобное прежде? Я об этом сам уже думал.

– И что?

– Уж больно они ловкие. Сдается мне, у них есть некоторый опыт.

Первое, что я сделал на следующий же день – сразу после завтрака отправился в полицейский участок Мидтаун Северный на Западной Пятьдесят четвертой улице. Там я застал Джо Даркина, восседающего за столом. Он тут же сбил меня с толку, поведав, как я прекрасно выгляжу.

– Ты стал лучше одеваться, – сообщил он. – Думаю, это дело рук той женщины. Элейн, верно?

– Верно.

– Похоже, она хорошо на тебя влияет.

– Просто уверен в этом. Но о чем ты, черт возьми, толкуешь?

– На тебе симпатичный пиджак, только и всего.

– Этот блейзер? Да ему лет десять.

– Ну, ты его раньше не надевал.

– Я постоянно его ношу.

– Тогда галстук.

– А что в нем особенного?

– Господи Боже мой! Тебе никогда никто не говорил, какой ты трудный сукин сын? Я всего лишь сказал, что ты хорошо выглядишь, и не успел оглянуться, как оказался на допросе. Может, начнем по новой? «Привет, Мэтт! Дерьмово выглядишь. Садись». Так лучше?

– Гораздо.

– Я рад. Присаживайся. Каким ветром?

– Мне приспичило совершить преступление.

– Знакомое чувство. И дня не проходит, чтобы мне не хотелось того же. У тебя что-нибудь конкретное на уме?

– Замышляю преступление класса «D».

– Ну, этого добра сколько угодно. Например, незаконное обладание предметами для подлога является преступлением класса «D», и ты его практически наверняка осуществляешь в данный конкретный момент. У тебя в кармане есть ручка?

– Две ручки и карандаш.

– Ха, похоже, я должен зачитать тебе «миранду»[4 - Права, которые офицер полиции обязан зачитать человеку при аресте.], посадить и скатать пальчики. Но сдается мне, что на уме у тебя вовсе не это преступление класса «D».

Я покачал головой.

– Мне хочется нарушить статью 200.00 Уголовного кодекса.

– Статью 200.00. И ты хочешь заставить меня посмотреть, что это за зверь?

– А почему нет?

Он глянул на меня, затем потянулся, взял толстый талмуд в черном переплете и пролистал.

– Знакомый номер, – пробормотал он. – А, вот оно. 200.00. «Подкуп третьей степени. Лицо признается виновным в подкупе третьей степени, когда оно дает, или передает, или соглашается передать деньги или иные ценности должностному лицу по согласованию или с пониманием того, что данное должностное лицо осуществит или не осуществит свои должностные функции в интересах дающего. Подкуп третьей степени является преступлением класса “D”». – Он некоторое время читал про себя, затем спросил: – А ты уверен, что не хочешь нарушить статью 200.03?

– Это еще что?

– Подкуп второй степени. То же, что и в той статье, только относится к преступлениям класса «C». Чтобы подпасть под статью о подкупе второй степени, деньги или ценности, которые ты даешь или передаешь, или соглашаешься передать – Бог ты мой, как тебе нравятся формулировочки? – должен превышать сумму в десять тысяч долларов.

– Нет, думаю, класс «D» – мой предел.

– Этого-то я и боялся. Могу тебя кое о чем спросить? До того, как ты совершишь преступление класса «D»? Сколько лет прошло, как ты уволился?

– Прилично.

– Так как же ты помнишь классификацию преступлений, не говоря уж о статье?

– Память такая.

– Чушь. Они постоянно меняют нумерацию статей. Полкниги переписали. Я просто хочу понять, как тебе это удается.

– Сильно хочешь?

– Ага.

– Я заглянул в библиотеку по дороге.

– Чтобы подразнить меня, да?

– Чтобы поддержать тебя в форме.

– Ну да, забота о моих интересах, ничего больше.

– Только так.

Я заранее отложил купюру и теперь достал ее и сунул Джо в карман, где он обычно носит сигареты, исключая те краткие периоды, когда клянется бросить и курит чужие.

– Купи себе костюм, – ласково посоветовал я.

Мы были одни, поэтому он достал купюру и посмотрел.

– Придется обновить терминологию. Шляпа за четвертак, костюм за сотню. Понятия не имею, сколько сейчас стоит приличная шляпа, тысячу лет не покупал. Но и не имею представления, где сейчас можно купить костюм за сотню, разве что на развале. «Вот тебе сотня, своди жену поужинать». И за какие же это мне заслуги?

– Окажи мне услугу.

– О?

– Было одно дело, о котором я читал. Примерно месяцев шесть назад, может, год. Двое парней схватили на улице женщину и увезли в фургоне. Несколько дней спустя ее нашли в парке.

– Мертвую, надо полагать.

– Мертвую.

– «Полиция подозревает, что это розыгрыш». Не припоминаю что-то. Оно не у нас проходило, верно?

– Даже не на Манхэттене. Если мне не изменяет память, ее нашли на какой-то площадке для гольфа в Куинсе. Впрочем, это могло быть с тем же успехом где-то в Бруклине. Я тогда не обратил внимания, прочитал заметку за чашкой кофе.

– И что ты хочешь узнать теперь?

– Хочу освежить в памяти.

Он изумленно глянул на меня.

– У тебя что, денег куры не клюют? Чего ради способствовать обновлению моего гардероба, если ты спокойно мог пойти в библиотеку и посмотреть каталог «Таймс»?

– И что бы я искал? Я не знаю ни имен, ни где это произошло. Пришлось бы просматривать всю подшивку за прошлый год, не говоря уже о том, что я напрочь забыл, в какой это было газете. Может, вовсе и не в «Таймс».

– Так что проще будет мне сделать пару звонков.

– Это я и имел в виду.

– Тогда почему бы тебе не прогуляться? Пойди, выпей где-нибудь кофейку. Например, в греческой забегаловке на Восьмой улице. А я, может быть, к тебе присоединюсь через часок. Тоже попью кофейку с пирожком.

Через сорок минут Джо подошел к моему столику в кофейне на углу Восьмой и Пятьдесят третьей.

– Это произошло чуть больше года назад, – сообщил он. – Женщину звали Мари Готтескайнд. Что может значить эта фамилия? «Бог милостив»?

– Скорее «дитя божье».

– Лучше так, потому что Господь явно не был милостив к этой Мари. Ее похитили средь бела дня, когда она ходила по магазинам на Ямайка-авеню в Вудхэвене. Двое мужчин запрыгнули с ней в фургон, а три дня спустя двое парней, гуляя в Форест-Парке, набрели на ее тело на площадке для гольфа. Следы изнасилования, множественные ножевые ранения. Сначала дело вели в 104-м участке, а потом отфутболили в 112-й, когда идентифицировали потерпевшую, потому что похищение произошло на территории 112-го.

– Они что-нибудь выяснили?

Джо покачал головой.

– Парень, с которым я разговаривал, хорошо помнит это дело. Обитателей квартала трясло потом пару недель. Вполне респектабельная женщина идет себе по улице, вдруг пара клоунов хватают ее, и все. Это как обухом по голове, верно? Если с ней могло такое случиться, то и с любым может, и ты не можешь чувствовать себя в безопасности даже в собственном доме. Люди боялись, что подобное повторится, что это банда насильников на колесах, серийное убийство. Помнишь, было одно дело в Лос-Анджелесе? Еще сериальчик по нему сняли?

– Нет.

– Двое итальянских парней, двоюродные братья, кажется. Они снимали шлюх и утаскивали в горы. Журналисты придумали название «горный душитель». Надо было «душители», но пишущая братия изобрела название до того, как выяснилось, что убийц двое, а не один.

– Давай-ка о женщине в Вудхэвене.

– Ну да. Боялись, что она лишь первая из серии, но, поскольку больше ничего не случилось, народ расслабился. Они все еще занимаются расследованием, но безуспешно. Ничего. Ребята считают, что единственный способ закрыть его, если только этих клоунов застукают на месте преступления. Он еще спросил, не ли у нас чего-нибудь, связанного с этим делом. А у нас есть?

– Нет. А что предпринял муж дамы, ты не в курсе?

– По-моему, она была незамужней. Кажется, учительница. А что?

– Жила одна?

– А это имеет значение?

– Я бы не отказался просмотреть дело, Джо.

– Не отказался бы, да? Что б тебе не съездить в 112-й и не попросить их показать?

– Не думаю, что мне дадут.

– Не думаешь, да? Хочешь сказать, что в этом городишке еще водятся копы, которые не станут из шкуры лезть, чтобы оказать услугу частному детективу? Я, право, шокирован.

– Я не останусь в долгу.

– Слушай, звонок-другой – это одно. Но я не намерен грубо нарушать правила внутреннего распорядка и сомневаюсь, что парень, работающий в Куинсе, тоже на это пойдет. Ты просишь всего-навсего доступ к закрытым материалам. Прекрасно знаешь, что досье из офиса не выносят.

– И не надо. Все, что от него требуется, это потратить пять минут на пересылку факсом.

– Ты хочешь все досье целиком? Дело об убийстве? Да это страниц двадцать – тридцать, не меньше.

– Департамент вполне может разориться на оплату факсимильной связи.

– Ну, не знаю. Мэр нам постоянно талдычит о нехватке средств. Кстати, а почему тебя это дело вообще интересует?

– Этого я сказать не могу.

– Господи Иисусе, Мэтт, ты что хочешь, чтобы обмен шел в одностороннем порядке, что ли?

– Вопрос конфиденциальности.

– Не свисти. У тебя конфиденциально, а полицейские досье – открытая книга, так, что ли? – Джо прикурил и закашлялся. – Это не имеет отношения к твоему приятелю?

– Не понимаю, о чем ты.

– Твой кореш Баллу. Это с ним связано?

– Конечно, нет.

– Уверен?

– Он за границей. Уехал уже больше месяца назад и не знаю, когда вернется. И он сроду никого не насиловал и не бросал тела у всех на виду.

– Знаю, знаю, он настоящий джентльмен, когда встает, поправляет за собой кресло. Против него пытаются состряпать дело об уклонении от налогов, но я думаю, тебе это известно.

– Слышал что-то.

– Надеюсь, они его прищучат и засунут в федеральную тюрьму лет на двадцать. Хотя, полагаю, ты думаешь иначе.

– Он мой друг.

– Ага, так мне и сказали.

– Но в любом случае к нему это отношения не имеет.

Джо лишь быстро взглянул на меня.

– У меня клиент, у которого пропала жена. Обстоятельства похожи на вудхэвенские.

– Ее похитили.

– Похоже на то.

– Он сообщил об этом?

– Нет.

– А почему?

– Думаю, у него есть на то причины.

– Этого недостаточно, Мэтт.

– Ну, предположим, он нелегал.

– Да тут полгорода нелегалов. Ты что, считаешь, как только мы получаем дело о похищении, то в первую очередь сдаем потерпевшего в иммиграционную службу? И что это за кубвейт, который не может получить вид на жительство, но у него хватает бабок на частного детектива? Сдается мне, он занимается грязными делишками.

– Как тебе угодно.

– Как мне угодно, да? – Он потушил сигарету и нахмурился. – Женщина мертва?

– Похоже на то. Если действовали те же орлы…

– Почему обязательно те же? Чего тут общего? Почерк? Действия при похищении?

Поскольку я промолчал, Джо взял чек, глянул на него и подвинул ко мне.

– На-ка вот. Твой черед платить. Ты все по тому же номеру? Я звякну после обеда.

– Спасибо, Джо.

– Не благодари меня. Мне еще предстоит подумать, не выйдет ли мне это каким-нибудь образом боком. Если все путем, то позвоню. Или забудь об этом.

Я сходил на полуденную встречу в «Файрсайд» и вернулся домой. От Даркина ничего не было. Зато мне передали записку с сообщением о том, что звонил Ти-Джей.

Ти-Джей – чернокожий подросток, с которым я повстречался примерно полгода назад в Таймс-сквер. Ти-Джей – уличная кличка, и если у парнишки и есть другое имя, то он предпочитает держать его при себе. Мальчонка оказался живым, забавно-нахальным и дерзким, просто как глоток свежего воздуха в болотном смраде Сорок второй улицы. Мы с ним быстро нашли общий язык. Позже он кое-что сделал для меня, когда я вел одно дело, связанное с Таймс-сквер, и с тех пор он постоянно поддерживает со мной связь. Каждые две недели звонит, иногда и по нескольку раз. Телефона он не оставляет, поэтому перезвонить ему я не могу, так что его звонки всего лишь сигнал, что он обо мне не забыл. Когда Ти-Джей действительно хочет со мной поговорить, то звонит до тех пор, пока не застанет дома. А когда дозванивается, мы разговариваем, пока не кончается время в автомате, и изредка встречаемся в его или моем районе. Тогда я его кормлю.

Дважды я давал ему задания, связанные с делами, которыми занимался, и он лез из кожи вон, чтобы выполнить поручение. Вряд ли такое рвение вызвано мизерными суммами, выплачиваемыми мной за работу.

Я поднялся к себе и позвонил Элейн.

– Дэнни Звонарь шлет тебе привет. А Джо Даркин сказал, что ты положительно на меня влияешь.

– Конечно. Но он-то откуда знает?

– Сказал, что с тех пор, как мы с тобой вместе, я стал лучше одеваться.

– О!

– На мне был мой блейзер. Я ношу его уже целую вечность.

– Ну, он еще очень даже ничего. С серыми брюками? А с какой рубашкой и галстуком?

Я ей все подробно описал.

– Что ж, прекрасный ансамбль.

– Обыкновенный. Вот я тут видел недавно костюм «зут».

– Честно?

– Из чистого драпа, по словам Дэнни.

– Надеюсь, он был не на самом Дэнни?

– Нет, на одном его знакомом по имени… Впрочем, не важно. На нем еще была соломенная шляпа с ядовито-розовой лентой. Вот если бы я напялил нечто подобное, перед тем как завалиться Даркину в контору…

– Он бы впечатлился. Может, Даркин имел в виду твою манеру держаться, милый, или что-то в этом роде. Ты стал носить свою одежду более уверенно.

– Потому что у меня чистая душа.

– Должно быть.

Мы еще некоторое время почирикали. Вечером Элейн нужно было идти на занятия. Мы обсудили вопрос, не встретиться ли нам после, и решили, что, пожалуй, не стоит.

– Лучше завтра, – сказала Элейн. – Может, в кино сходим? Правда, я ненавижу ходить туда по выходным – вечно народу полно. Знаешь, давай сходим на дневной сеанс, а потом поужинаем где-нибудь? Если ты не занят, конечно.

Меня вполне устраивало такое предложение.

Я положил трубку, и тут же раздался звонок портье, сообщившего, что мне звонили, пока я разговаривал с Элейн. С тех пор как я поселился в «Норсвестерне», они уже несколько раз меняли систему телефонной связи. Вначале все звонки шли через коммутатор. Затем сделали так, что стало можно звонить из номера напрямую, но внешние звонки по-прежнему шли через коммутатор. Теперь связь прямая в обе стороны, но если я не беру трубку после четвертого звонка, вызов автоматически переводится вниз, к портье. Я получаю прямые счета из НЙГТС[5 - Нью-Йоркская городская телефонная сеть. – Примеч. ред.], а гостиница не только не берет никаких процентов, но я еще имею бесплатную секретаршу в виде дежурного портье.

Звонил Даркин, и я тут же с ним связался.

– Ты тут кое-что забыл, – сообщил Джо. – Заедешь, или можно выкинуть?

Я, конечно же, сказал, что немедленно еду.

Когда я ввалился в дежурку, Джо висел на телефоне, балансируя на стуле и дымя сигаретой. При этом еще одна догорала в пепельнице. За соседним столом детектив по фамилии Беллами уставился поверх очков в монитор своего компьютера.

Джо прикрыл рукой трубку и буркнул:

– Кажется, это твой конверт тут валяется. На нем твоя фамилия. Ты его оставил, когда заходил в прошлый раз.

Не дожидаясь ответа, он вернулся к телефонному разговору, а я потянулся через его плечо и взял толстый пакет с моей фамилией, написанной сверху.

– Черт, в этом нет вообще никакого смысла, – произнес за моей спиной Беллами, обращаясь к компьютеру.

Я не стал с ним спорить.

Глава 6

Вернувшись домой, я разложил бумаги на кровати. Они явно переслали все досье, все тридцать шесть страниц. На некоторых было лишь несколько строк, но большинство исписано полностью.

Просматривая бумаги, я размышлял о том, насколько все изменилось с тех пор, как я служил в полиции. В то время не водилось никаких копировальных аппаратов вообще, не говоря уж о факсах. Тогда единственным способом увидеть дело Мари Готтескайнд было отправиться в Куинс и изучать его на месте. При этом какой-нибудь особо рьяный полицейский стоял бы над душой и поторапливал.

Сейчас же достаточно скормить бумаги факсимильному аппарату и – хоп! – они вылезают в другом месте, милях в пяти – десяти, или вообще в другой части света. Оригинал спокойненько остается на месте, где ему и положено и куда посторонние лица не имеют доступа. Все счастливы, и не нужно нервничать по поводу нарушения режима секретности.

А у меня в результате сколько угодно времени на изучение дела Мари Готтескайнд.

А это как раз то, что нужно, поскольку я не имел ни малейшего представления, что, собственно, ищу. Что уж точно не изменилось в полиции с того дня, как я

закончил Полицейскую академию, так это количество бумажной работы. Каким бы полицейским ты ни был, ты проводишь меньше времени за основным занятием, чем за составлением всяких отчетов, протоколов и тому подобного. Кое-что из этой писанины – всего лишь обычное бюрократическое дерьмо, а что-то – для прикрытия собственной задницы. Избежать этого по большей части просто невозможно. Полицейская работа – труд коллективный, даже в простейшем расследовании задействована куча народа, и если все не записывать, то невозможно охватить всю картину и сделать вывод.

Я прочитал досье, а когда закончил, снова вернулся к некоторым из протоколов. Первое, что довольно быстро стало очевидным, это удивительное сходство между похищением Мари Готтескайнд и тем, как похитили Франсин Кури в Бруклине. Я отметил следующие совпадения:

1. Обеих женщин похитили на торговых улицах.

2. Обе жертвы припарковали машины поблизости от магазинов и шли пешком.

3. Обеих схватили двое мужчин.

4. В обоих случаях преступников описывали как похожих по росту и весу и одинаково одетых. Похитители Готтескайнд были одеты в брюки хаки и темно-синие ветровки.

5. Обеих женщин увезли в фургоне. Фургон, который использовали похитители в Вудхэвене, свидетели описывали как грузовик светло-синего цвета. Один из свидетелей опознал в нем «форд» и назвал несколько цифр номера, но это не помогло следствию.

6. Несколько свидетелей показали, что на фургоне имелась надпись с названием фирмы бытовых приборов. Их было несколько вариантов. «Пи-энд-Дж. Бытовая техника», «Би-энд-Дж. Бытовая техника» и так далее. На второй строке было написано «Продажа и обслуживание». Адрес указан не был, но свидетели утверждали, что имелся номер телефона, однако его никто из них не запомнил. Тщательно проведенное расследование не обнаружило в районе среди многочисленных фирм по продаже и обслуживанию бытовой техники ни одной, у которой имелся подобный фургон, и следствие пришло к выводу, что название

фирмы, как и номер машины, было фальшивым.

7. Мари Готтескайнд было двадцать восемь лет и она работала учителем в начальных классах школ Нью-Йорка. На три дня, включая и день похищения, она была принята учительницей в четвертый класс школы в Риджвуде. Примерно такого же роста, как Франсин Кури, и на пару килограммов тяжелее. Светлокожая блондинка в отличие от темноволосой и смуглой Франсин. Фотографий в деле не имелось, кроме сделанных в Форест-Парке, но из показаний ее знакомых можно сделать вывод, что Мари Готтескайнд была привлекательной женщиной.

Имелись и отличия. Мари Готтескайнд не была замужем. Она несколько раз встречалась с преподавателем, с которым познакомилась на предыдущей работе, но их взаимоотношения не получили развития, а его алиби на момент ее смерти совершенно бесспорно.

Мари жила с родителями. Отец, бывший слесарь-паропроводчик, на пенсии по инвалидности вследствие производственной травмы, занимался мелким бизнесом на дому. Заказы по почте. Мать помогала отцу вести бизнес, а также подрабатывала на полставки бухгалтером на нескольких предприятиях в районе. Ни Мари, ни ее родители не имели никаких связей с наркомиром. Не были они и арабами. Финикийцами, впрочем, тоже.

Было в деле, естественно, и заключение судмедэкспертов. Весьма обширное. Смерть наступила в результате множественных ножевых ранений в области груди и живота, каждое из которых по отдельности было смертельным. Признаки многократного изнасилования, следы спермы в заднем проходе, во влагалище, во рту, а также в одной из ножевых ран. В результате измерений выявлено, что раны наносились двумя различными ножами, предположительно кухонными, причем лезвие одного длиннее и шире другого. Анализ спермы показал, что насильников было как минимум двое.

Помимо ножевых ранений, на обнаженном теле имелись множественные гематомы, свидетельствующие о том, что жертва подверглась избиению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/lourens-blok/progulka-sredi-mogil/8508477/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Английская колыбельная. Перевод И. Дугиной.

2

По Фаренгейту. – Примеч. пер.

3

УБН – Управление по борьбе с наркотиками. – Примеч. ред.

4

Права, которые офицер полиции обязан зачитать человеку при аресте.

5

Нью-Йоркская городская телефонная сеть. – Примеч. ред.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lorens-blok/progulka-sredi-mogil-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить